

Имя
Муромца Мокшевича.

Отъ православно-каѳолическія восточныя Христовы Церкве увѣщаніе.

Бывшимъ своимъ чадамъ, пылѣ недугомъ раскола немоществу-
ющимъ.

Православно-каѳолическая восточная Христова Церковь скорбитъ зѣло и утробю своею смущается, видя, что нѣкоторые бывшія ея чада оставляють ее и отвращаются, которыхъ она духовно въ купели крещенія породила, млекою слова Божія воспитала, священными тайнами укрѣпляла, соединяла съ собою таинственнымъ союзомъ любви, и въ объятіяхъ своихъ согрѣвала съ пристойнымъ попеченіемъ благоутробной матери. Сія ея скорбь тѣмъ больше умножается, что они, единожды поплзнувшы, о востаніи и исправленіи своемъ мало думаютъ; а чрезъ то какъ ихъ душевная болѣзнь со дня на день больше усиливается, такъ и всевозможныя спасительныя соболѣзнованія, увѣщанія, попеченія Церкви остались до сихъ поръ не много дѣйствительными. Однако, святая Церковь объ ихъ исправленіи и обращеніи какъ прежде не отчаявалась, такъ и нынѣ надѣется.

Отъ самаго того времени, какъ сдѣлался сей печальный развратъ, святая Церковь не преминула сочинять и издавать разныя книги, а именно: „Жезлъ правленія“, „Увѣтъ Духовный“, „Працицу“, „Скрижаль“, „Розыскъ“, „Обличеніе“, и многія другія, которыми всемірно тщалася сей раздоръ утушить, и изнемогающія члены исцѣля, присоединить къ здоровому составу тѣла своего. И нельзя же сказать, чтобы Божія благодать сіе спасительное Церкви намѣреніе не обрадовала самымъ дѣломъ: ибо по малое число (какъ то уже извѣстно), читая сныя изданныя книги, усмотрѣли свои погрѣшности, и съ великою для истины славою къ Церкви, матери своей, обратилися. Однако, со всеѣмъ тѣмъ, еще многое число, присовокупя къ слабости своей упорство, въ прежнемъ своемъ, отдѣленномъ отъ Церкви, состояніи остаются.

Нельзя довольно словами изобразить, коликую скорбь отдѣленіе сіе Церкви Христовой наноситъ. И потому восхотѣла она симъ новымъ

увѣщаніемъ призывать ихъ къ обращенію, дабы утѣшить себя тою надеждою, что не воспользуются ли они симъ новымъ Церкви для нихъ снисхожденіемъ, и не придуть ли въ чувство, а ежели со всѣмъ тѣмъ (чего не дай Богъ) въ своемъ упорствѣ пребудутъ ожесточенными, то, по крайней мѣрѣ, чтобы Церкви не остаться безотвѣтною предъ нелицемѣрнымъ Судією, Богомъ.

Отъ самаго того времени, какъ благоволилъ Богъ просвѣтить русскую землю, во-первыхъ, чрезъ святую Ольгу, а потомъ совершенно чрезъ святаго Владиміра, весь преславный русскій народъ, сокрушивши скверныхъ идоловъ и поправши языческія суевѣрства, пребывали въ согласіи единыя православныя вѣры, всѣ обще на славословіе Божіе собиралися, при единой священной трапезѣ духовно шировали, всѣ были мирны, всѣ спокойны, не было никакого въ Церкви смущенія, не слышно было никакого въ вѣрѣ разврата, но всѣ едиными усты и единымъ сердцемъ прославляли единаго Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа со Святымъ Духомъ. Сколь великая, Боже нашъ, была тогда Церкви радость, что видѣла любезныхъ своихъ чадъ въ нѣдрахъ своихъ мирно опочивающихъ! Какая при томъ для православнаго русскаго народа была слава!

Сіе согласіе русскихъ людей въ вѣрѣ было столь крѣпко, что и тогда, какъ правосудный Богъ попустилъ намъ наказаннымъ быть чрезъ долговременное плѣненіе отъ татаръ, а потомъ чрезъ набѣги и разоренія отъ ляховъ, и при такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ русская Церковь въ вѣрѣ своей пребывала неразрывна, и въ самомъ ономъ утѣшеніи, яко злато во огнѣ, благочестіемъ блистала. Но послѣ, когда Богъ милосердіемъ Своимъ посѣтилъ насъ, когда храбрый русскій народъ мужествомъ своимъ свергъ съ себя безчестное иго татарское, когда Россія чрезъ благочестивыхъ монарховъ нашихъ начала возрастать въ прежнюю или еще и большую славу, а чрезъ то и отечество наше стало мирно, и Церковь — спокойна, тогда искони врагъ рода человѣческаго, діаволь, позавидовалъ благополучію нашему, и между священной пшеницею Церкви Христовой посѣялъ плевелы, миръ церковный помутилъ и многихъ отъ истины отвелъ. Сей учинившійся развратъ тѣмъ плачевнѣе, что онъ родился изъ того, изъ чего Церковь надѣялась получить великое добро для общаго спасенія всѣхъ.

Но надобно знать, что принято за причину къ сему раздору Церкви. За главную причину къ раздору сему почитаете вы, именующіе себя старовѣрами, что будто старыя книги совсѣмъ перемѣнены, а новыя введены, а съ ними, де, и старая вѣра перемѣнена; и что сія мнимая перемѣна книгъ, сказываете вы, началась во время великаго государя, и великаго князя Алексія Михайловича, всея Россіи самодержца,

при патриархѣ Никонѣ, а не прежде. Мы безъ всякаго пристрастія призывая свидѣтеля Бога на свою душу, обстоятельно разсмотримъ, когда и для чего началось сіе поправленіе книгъ, и перемѣнилась ли чрезъ то вѣра.

ИСТОРИЯ О ПОПРАВЛЕНІИ КНИГЪ.

Славянскій народъ (а подъ симъ именемъ заключается и народъ русскій) прежде девятаго вѣка отъ Рождества Христова не имѣлъ грамоты; а въ девятомъ вѣкѣ введена она такимъ случаемъ. Болгары, Моравы и другіе славянскіе народы хотя крестились, но еще совершенно таинствъ христіанскихъ не разумѣли: понеже на своемъ славянскомъ языкѣ не имѣли никакихъ книгъ. И для того славянскаго языка князи, а особливо Моравскіе, Ростиславъ, Сятополкъ и Коцель писали къ греческому царю Михаилу, прося, чтобы онъ благоволилъ прислать учительныхъ мужей, вѣдающихъ славянскій языкъ, дабы они ихъ совершенноѣ научили христіанствѣи вѣрѣ, перевели бы христіанскія книги на ихъ славянскій языкъ. Писаніе сіе, по Несторову объявленію, было слѣдующаго содержанія. „Земля наша крещена, и нѣсть учителя, иже наказаль бы насъ и поучилъ насъ и протолковаль святыя книги: не разумѣемъ ни греческу языкъ, ни латинску. Они бо ны инако учать, а они инако. Тѣмже не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ: да послете ны учителя, иже намъ можетъ сказати книжная словеса и разумъ ихъ“.

На сіе достохвальное прошеніе безъ всякаго труда склонился благочестивый греческій царь и, по совѣту патриарха и другихъ разумныхъ людей, избралъ двухъ родныхъ братьевъ, Константина и Меѳодія; изъ которыхъ наипаче Константинъ уже и прежде отлично прославилъ себя въ знатныхъ для Церкви Христовой посольствахъ. Сии два, мудростію знаменитые, мужи посланы были къ славянскимъ народамъ. Константинъ при своемъ отправленіи почтенъ былъ епископскимъ саномъ.

По пріѣздѣ своемъ Константинъ, предуготовивши себя постнымъ четыре-десятидневнымъ воздержаніемъ, первый написалъ азбуку славянскую, а послѣ сего и книги греческія началъ переводить на рѣчь славянскую. Первый его переводъ былъ—Евангеліе отъ Іоанна: Въ началѣ бѣ Слово и прочая. Также перевелъ Апостолъ, Псалтырь, Октоихъ и другія церковныя книги. Сей былъ первый, а при томъ (какъ должно думать) и исправный переводъ греческихъ книгъ на языкъ славянскій, коимъ переводомъ, какъ и самою азбукою, одолжены мы сему Константину, который обыкновенно называется Кирилломъ философомъ: ибо онъ, при

смерти посхимившись, преименованъ изъ Константина Кирилломъ. По смерти сего славнаго мужа, братъ его Меодій поставленъ епископомъ Морави, который, яко пастырь ревностный, избрѣлъ двухъ священниковъ искусныхъ, съ которыми перевелъ еще великое множество книгъ греческихъ на славянскій языкъ. О всемъ томъ пишется у преподобнаго Нестора, и въ житіи святыхъ Меодія и Константина въ Мюнхен Четвѣй.

По прошествіи близъ ста лѣтъ послѣ сего знатнаго случая крестилась блаженная Ольга; а въ недолгомъ, по кончинѣ святая Ольга, времени принялъ христіанскую вѣру внукъ Ольгинъ, великій Владиміръ, который крестилъ весь народъ русскій. Повопросвѣщенному русскому народу нужная, для отправленія Божіей службы, книги уже на славянскомъ языкѣ были готовы, и потому при семъ случаѣ никакого новаго перевода не воспослѣдовало. Ибо о семъ Несторъ ничего не упоминаетъ, да при томъ и нужды не было въ новомъ переводѣ: понеже онъ уже былъ у другихъ славянскихъ народовъ, которые тѣмъ же языкомъ говорили, коимъ и Русь. „Грамота славянская, яко грамота есть въ Русѣ“, пишетъ Несторъ. Хотя иѣтъ притомъ сомнѣнія, что другія, не переведенныя еще, книги въ сіе время переводить начали: ибо съ снмъ, думаю, больше намѣреніемъ святой Владиміръ завелъ училища, и, отбирая у знатныхъ отцовъ дѣтей, обучалъ ихъ грамотѣ. И потому отсюда можно ясно видѣть, что русскія Церковь какъ прежде, такъ и въ послѣдующія времена, употребляла при службѣ Божіей книги первоначальнаго славянскаго перевода Кирилла философа.

Скоро по смерти святого Владиміра появились между князьями русскими междоусобныя войны, чрезъ что, напоследокъ, русская земля стала подвержена игу татарскому. Сіе несчастіе было долговременное: ибо оно, вѣлючая и междоусобіе, продолжалось около пяти-сотъ лѣтъ. Всякъ знаетъ, что благополучіе Церкви соединено съ благополучіемъ государства: когда стечество въ неурядкѣ, въ утѣненіи и разореніи, и Церковь не можетъ совершенно соблюсти свое благочиніе.

Чтожь изъ сего воспослѣдовало для Церкви? Многія взошли въ церковныя книги несправности. Понеже утѣненіемъ иноплеменнаго ига нельзя было содержать училищъ, а печатнаго искусства еще и во всемъ свѣтѣ не было, то нужда была переписывать всѣ церковныя книги рукописью, да и переписывать писцамъ, которые часто были неискусны, и грамматическаго разумъ невѣдущи. Отъ сего въ церковныя книги входили многія несправности, описи, недониски, а и нѣдѣ и излишнія приписки. Всему сему тѣмъ легче можно было стать, что нерѣдко переписывали съ книгъ, какія ни попались, не дѣлая между книгою и книгою разбора, въ чемъ состоитъ великая важность.

Сіе разсужденіе не состоитъ въ однихъ догадкахъ. Ибо какъ только русскіе князи свергли съ себя тягость татарскія власти,—первое попеченіе ихъ было о благочиніи церковномъ. Великій князь Василій Іоанновичъ, отецъ великаго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, своимъ бдительнымъ окомъ усмотрѣлъ нѣкоторыя, вшедшія въ церковныя книги, несправности. И для того, по совѣту преосвященнаго Варлаама, митрополита Московскаго, 7020 году, отъ Рождества Христова 1512, послалъ грамоту со мноюю милостиною во святую Афонскую гору, требуя, чтобы Святогорскіе отцы приехали въ Россію такого человѣка, который бы могъ въ Россіи исправить церковныя книги. И по сему требованію присланъ ученый мужъ Максимъ, родомъ грекъ, монахъ Ватопедскія обители, въ греческомъ и славянскомъ языкѣ искусный. Онъ былъ принятъ на Москвѣ честию, и повелѣно ему жить въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ, дѣйствительно, и исправлялъ многія русскія церковныя книги съ греческихъ, что свидѣльствуютъ оставшіяся по немъ сочиненія, во многихъ бібліотекахъ нашихъ обрѣтающіяся.

Но не много успѣлъ сей разумный мужъ: ибо, по нѣкоторымъ клеветамъ, онъ невинно сосланъ былъ въ заточеніе въ монастырь, но пріѣздъ своемъ въ Москву въ десятый годъ, въ которомъ заточеніи благочестиво и скончался. А чрезъ то поправленіе книгъ воспрепятетовано.

Когда такимъ образомъ начатое Максимомъ исправленіе книгъ пресѣклося, благовѣрный государь царь Іоаннъ Васильевичъ, сынъ благовѣрнаго великаго князя Василя Іоанновича, не оставилъ святое намѣреніе родителя своего принять въ разсужденіе, и для того собралъ въ Москвѣ соборъ изъ всѣхъ російскихъ архіереевъ при преосвященномъ всея Россіи митрополитѣ Макаріи, и поному собору, который обыкновенно называется „Стоглавный“, предложилъ слѣдующее: „Божественныя книги писцы пишутъ (у насъ) съ исправленныхъ переводовъ, а написавъ, не правятъ же, описъ къ описъ прибываетъ, и недописи и точки не прямыя. И по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ и поютъ и учатся и пишутъ съ нихъ. Что о семъ побреженіи и о великомъ нашемъ нерадѣніи отъ Бога будетъ по Божественнымъ правиламъ?“

По сему благочестиваго царя совѣту положено соборное опредѣленіе слѣдующее: „Протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ и избраннымъ священникомъ со всѣми священники въ коемъждо градѣ во всѣхъ святыхъ церквахъ дозирати святыхъ иконъ и священныхъ сосудовъ, и всякаго церковнаго чину служебнаго, и на престолѣхъ святыхъ антиписовъ, дозирати и священныхъ книгъ, святыхъ Евангеліе и Апостолы, и прочіихъ святыхъ книгъ, ихъ же соборная Церковь приимлетъ. И которыя будутъ святыя иконы состарѣлись, и имъ тѣхъ ве-

лѣти иконникомъ починивати. А которыя будутъ мало оиелены, и оны бы тѣ иконы велѣли оиелити. А которыя будутъ святыя книги, Евангеліе, Апостолы и Псалтыри и прочія книги, въ коейждо суть церкви, обрѣчете не правлены и оиелены, и вы бы тѣ всѣ святыя книги съ добрыхъ переводовъ исправливали *соборнъ*: занеже священная правила о томъ запрещаютъ, и не повелѣваютъ неправленныхъ книгъ въ церковь вносити, ниже по нихъ пѣти. Также которые писцы по городомъ книги пишутъ, и вы бы имъ велѣли писать съ добрыхъ переводовъ, да, написавъ, правила, потомъ же бы продавали, а не правивъ бы книгъ не продавали. А который писецъ, написавъ книгу, продасть не справивъ, и вы бы тѣмъ возбраняли съ великимъ запрещеніемъ. А кто у него неисправленную книгу купить, и вы бы тому потомужъ возбраняли съ великимъ запрещеніемъ, чтобы впредь такъ не творили, а впередъ такови обличени будутъ продавецъ и кучецъ, и вы бы у нихъ тѣ книги имали даромъ безъ всякаго зазору, да, исправивъ, отдавали въ церковь, которые будутъ книгами скудны, да видячи таковая вашимъ бреженіемъ и прочіе страхъ примутъ, и прочая“. Изъ сего видно, что и благочестивый государь, царь Іоаннъ Васильевичъ, и все духовенство російскія Церкви, на ономъ соборѣ бывшее, сознавали, что въ церковныхъ книгахъ были нѣкоторыя неисправности.

Здѣсь можетъ подумать кто, что въ силу онаго соборнаго опредѣленія и дѣйствительно въ то же время оныя погрѣшности книгъ церковныхъ исправлены. Но сего утвердить нельзя.

Первое, что для сего дѣла надобны были люди учительные, и въ греческомъ языкѣ искусны. А въ такихъ людяхъ въ оное время былъ недостатокъ, по признанію самого Стоглавнаго собора, который, разсуждая въ главѣ 25 о діакѣхъ, хотящихъ въ діаконы и въ попы ставитись, сказываетъ, что „они грамотѣ мало умѣютъ“; а причину тому даетъ сію, что „и сами отцы ихъ и мастера мало умѣютъ, и силы въ Божественномъ Писаніи не знаютъ“. Притомъ оный же соборъ прибавляетъ, что прежде сего въ російскомъ царствѣ на Москвѣ и въ великомъ Новгородѣ, и по инымъ градамъ многія училища бывали, которыхъ училищъ уже въ то время не было, а только соборомъ опредѣлено, чтобы такія училища стараться заводить. И для того оному исправленію книгъ нельзя было быть произведено въ дѣло.

Второе, что опредѣленіе онаго Стоглавнаго собора требовало, дабы книгъ поправленіе учинено было *соборнъ*. И потому, въ силу сего опредѣленія, надобно было не одному лицу, но многимъ мужамъ учительнымъ, собравшись во едино, производить сіе важное дѣло. Но нигдѣ не упоминается ни мало, чтобы тогда особенный собранъ былъ соборъ единственно для поправленія книгъ.

Третіе, что и наипаче, по прошествіи оной непогоды, какая была на Москвѣ отъ смятенія Лжедмитріевъ и разоренія поляковъ, когда Богъ возвелъ на Россійское царствѣ благочестиваго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, оное дѣло о поправленіи книгъ наки взято на разсужденіе симъ благочестивымъ государемъ и родителемъ его, святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ. Ибо въ предисловіи Филаретовскаго Требника, напечатаннаго 7132 году (отъ Рождества Христова 1603), находятся точно сіи слова: „Слышавше благочестивѣйшіи пастыріе оны, Богомъ вѣнчанный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и отецъ его святѣйшій Филаретъ патріархъ, много нѣкое и презлишно въ Божественныхъ разгласіе, еже и заповѣдямъ Господа нашего Иисуса Христа несличное стихословіе и о семъ разумно внемлюще и помышляюще, откуда есть вина толикаго разгласія Божественныхъ Писаній? точю, за небреженіе и лѣность, и невѣдѣніе Божественныхъ Писаній, всякое несогласіе и несостояніе въ церковномъ соединеніи случашеся, и тако самовольнѣ терніемъ небреженія путь правый покрывашеся. И повелѣша отъ градовъ книги харатейныя добрыхъ переводовъ древнихъ собрати, и во свидѣтельство Божественныхъ Писаній стихословіе исправляти, яже неисправленіемъ отъ преписующихъ и многолѣтнихъ обычаевъ погрѣшена быша. И прочая“.

Изъ сего предисловія кто не видитъ, что и благочестивый государь Михаилъ Ѳеодоровичъ и отецъ его святѣйшій патріархъ Филаретъ усматривали, что были нѣкоторые въ тогдашнихъ книгахъ неисправности?

И хотя должно признаться, что по сему своему тщанію благочестивый государь и святѣйшій патріархъ нѣкоторые въ книгахъ погрѣшительныя слова и исправили; однако, притомъ нельзя сказать, чтобы сіе великое дѣло совершенно приведено было ими къ концу.

Понеже уже и послѣ того времени при благочестивѣйшемъ царѣ и великомъ князѣ Алексіѣ Михайловичѣ въ четвертое лѣто царствованія его, при святѣйшемъ патріархѣ Іосифѣ въ седьмое лѣто патріаршества его, въ концѣ Апостола, печатаннаго въ лѣто 7157 (отъ Рождества Христова 1647), мѣсяца октября въ восьмой день, напечатано такъ: „Слава Иже въ Троицѣ славимому Богу нашему, о Немже всякое дѣло благо начало пріемлетъ и въ совершеніе приходитъ, той же и сему богодухновенному Божественнаго Писанія дѣлу въ совершеніе селъ блаженныя книги Апостола конецъ положи. Васъ же, о богособранная чета православія отецъ и братію, освященныхъ и причеть, паче же и простыхъ, и всѣхъ въ благочестіи преспѣвающихъ, и въ Божественныхъ Писанія догматѣхъ прилежащихъ, мы грубѣи, ни дѣлу, ни слову искусніи, вси потрудившіеся припадающе праха персти съ купноколѣн-

нымъ наклоненіемъ лица своя прилагающе и со усердіемъ молимъ, прощеніе просяще, и да не сподобимся отъ вашего преподобія, елика убо вникнувъ обрящете въ сей книзѣ погрѣшительная за недовѣднію наше разумнаго пошествія, яко да и вы отъ направляющаго умныя слухи съ разумѣшии сердцецъ вашихъ милость получите отъ Бога, а забвеніе и скудость въ разумѣ надъ всѣми нами хвалится. По *совѣту же соборныя Церкви исправите недокончанная или погрѣшенная въ разумъ*“.

Здѣсь всякъ зри, что святѣйшій патріархъ Іосифъ имѣлъ похвальное тщаніе исправить книги; да и самымъ дѣломъ оныя исправлялъ. Притомъ, надобно удивляться чистосердечному признанію сего благочестиваго патріарха, что онъ хотя и тщался учинить совершенное поправленіе книгъ, однако, не могъ надѣяться, чтобы еще нѣкоторыя не оставались погрѣшности; и для того просить прощенія, а притомъ молить, чтобы „по совѣту соборныя Церкви недокончанная и погрѣшенная въ разумъ потщались поправить“. Подобныя чистосердечныя признанія сего святѣйшаго патріарха Іосифа находятся и въ другихъ многихъ печатанныхъ при немъ книгахъ. А святѣйшій патріархъ Іосифъ былъ послѣдній предъ патріархомъ Никономъ.

Изъ всего сего, довольно пространнаго, разсужденія всякъ, и не много внимающій, усмотрѣть можетъ, когда началось поправленіе церковныхъ книгъ, и какая была побуждающая къ тому причина. Очень ясно видно, что оное поправленіе началось гораздо прежде царствованія великаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, именно, еще при великомъ князѣ Васильѣ Іоанновичѣ, потомъ при государѣ царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. То же самое продолжалось и при государѣ царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ, даже до самыхъ временъ государя царя Алексія Михайловича, однако, со всѣмъ тѣмъ, оно не приведено къ совершенному окончанію, какъ уже выше показано.

Что же теперь надобно было дѣлать? оставить ли было совсѣмъ сіе, похвально начатое и съ прилежаніемъ продолжаемое, дѣло? и презрѣть ли оное святѣйшаго патріарха Іосифа и, въ лицѣ его и всея Церкви, моленіе, чтобы „недокончанная и погрѣшенная въ разумъ по *совѣту соборныя Церкви исправите*“? Ревность по благочестію благочестивѣйшаго государя царя Алексія Михайловича не могла стерпѣть, чтобы, начатое отъ пресвѣтлѣйшихъ его предковъ и для Церкви пужное, дѣло оставить безъ окончанія; а напротивъ, что притомъ могла быть и опасности, дабы частыми поправленіями не сдѣлать книгъ худшими. И для того мудрый государь разсудилъ, чтобы единымъ совершеннымъ поправленіемъ все окончить, а чрезъ то пресвѣчь случай, дабы больше уже никто за сіе дѣло не принимался, и Церковь бы не безпокоилъ.

Пачаль же сіе важное дѣло благочестивый государь Алексій Михайловичъ съ великимъ разсужденіемъ. Зналъ онъ, что дѣло сіе—церковное, а притомъ предостерегался, чтобы не произошли отъ того неправые толки, и для того собралъ соборъ въ царскихъ своихъ палатахъ въ лѣто 7162 (отъ Рождества Христова 1652), на которомъ предсѣдательствовали самъ благовѣрный и христіолюбивый государь царь и великій князь Алексій Михайловичъ, всея Россіи самодержецъ, и содержай тогда престоль великія Церкви Инокъ, патриархъ Московскій, и съ ними архіереи всего Россійскаго государства, тутъ же и его царскій сиклантъ предстояль.

На семъ соборѣ предложено было, что въ церковныхъ книгахъ находятся многія отъ переводчиковъ и переписчиковъ неискусныхъ съ древними греческими и славянскими книгами несогласія, — на это воспослѣдовало согласное опредѣленіе всего собора, что церковныя книги достойно и праведно со старыхъ греческихъ и славянскихъ книгъ исправить.

И хотя сіе всего Россійскаго духовнаго чина согласіе довольно было, чтобы по немъ точно и поступать; однако, для большей твердости въ православіи соизволилъ благочестивый государь о томъ же писать и къ святѣйшму вселенскому греческому патриархамъ, въ то же 7162 лѣто. На оное писаніе благочестиваго государя святѣйшіи патриархъ Цареградскій Паисій благочестивому царю отвѣтствовалъ письменно, за подписаніемъ собственныхъ рукъ всего, нарочно отъ него собраннаго, собора въ лѣто 7163, утверждая, что должно послѣдовать во всемъ писаніямъ древнихъ великихъ православныхъ восточныхъ Церкви учителей, сущимъ въ ветхихъ книгахъ греческихъ же и славянскихъ. Такимъ порядочнымъ образомъ сіе намѣреніе предуготовлялось.....

Къ исполненію намѣренія сего, повелѣніемъ Самодержца, изысканы были изъ древнихъ Россійскихъ книгохранилицъ, изъ великихъ обителей, древнія, премногими лѣты писанныя, книги. Сверхъ того, для лучшаго изысканія истины, требованы были и получены и греческія книги изъ великихъ обителей святаго Аѳонскія горы, которыя книги писаны были отсель лѣтъ по пяти, по шести, по семи сотъ, а нынѣ и по тысячи лѣтъ, и больше.

Когда все такимъ образомъ было предуготовлено, тогда на Москвѣ собраны были два великіе собора. Одинъ въ лѣто 7163, другой въ лѣто 7175. На первомъ соборѣ были: Макарій, патриархъ Антіохійскій; Инокъ, патриархъ Московскій; Гавріиль, патриархъ Сербскій, и прочее Россійское духовенство. А на второмъ: Паисій, патриархъ Александрійскій; Макарій, патриархъ Антіохійскій; и притомъ имѣли они волю и согласіе и другихъ вселенскихъ патриарховъ—Цареградскаго и

Иерусалимскаго. Иоасафъ, патріархъ Московскій, съ ними митрополитовъ великія Россіи и восточныхъ 14, архіепископовъ 8, епископовъ 5, архимандритовъ 25, игуменовъ 6, протопоповъ 15; всѣхъ вкупѣ 76. На обоихъ сихъ соборахъ согласно опредѣлено, чтобы съ волею благочестиваго и христіолюбиваго царя исправляти противу старыхъ харатейныхъ греческихъ и славянскихъ книгъ православныхъ, и печати предавати. По сему опредѣленію воспослѣдовало самое дѣло. При чемъ примѣчанія достойно то, что когда начали разсматривать старописанныя греческія и славянскія книги,—увидѣли, что древнія греческія во всемъ согласны съ ветхими славянскими, а только, въ новыхъ Московскихъ печатныхъ книгахъ нашли нѣкоторыя несходства съ греческими и славянскими древними. И для того всѣ книги противъ древнихъ справили, и тѣмъ давно начатое дѣло благополучно привели къ окончанію.

Церковь Христова, увидѣвъ сіе дѣло счастливо совершившееся, несказанно возрадовалася, и съ усердіемъ благодарила Бога, своего Премудраго Правителя, за сіе великое Его благодѣяніе. Ибо чрезъ то давно предпріятыя государей Россійскихъ намѣренія приведены къ окончанію, Церковь Россійская съ греческою православною приведена въ совершенное согласіе, во всѣхъ Россійскаго государства Божіихъ храмахъ утверждено точное сходство въ благочиніи церковномъ, а притомъ отнята и та опасность, чтобы впродъ новыми частыми поправленіями не подать случая къ какимъ ни есть для Церкви безнокойствамъ.

Сіе дѣло, сколько само по себѣ ни похвально, соблазнило нѣкоторую немощную братію нашу, и православныя чада Церкви подпали общей человѣческой слабости. Ибо нѣкоторые малопросвѣщенные изъ духовнаго чина люди, также не великое число изъ простаго народа, послышавъ о поправленіи книгъ церковныхъ, подумали, что будто онѣ совѣмъ попорчены, и изъ того заключили, что будто и вѣра перемѣнена. Въ сіе заблужденіе впасть имъ не трудно было: понеже они были люди простые, а притомъ иные и безграмотные, всегда были заняты своими работами и руководствіями, и потому имъ въ высокія о вѣрѣ разсужденія входить нельзя было. Въ семъ будучи невѣжествѣ, когда слышали въ новонапечатанныхъ книгахъ нѣкоторыя слова несходныя съ старопечатанными,—подумали бѣдныя, что уже будто и самая сила перемѣнилась. Подлинно, извинительна сія ихъ погрѣшность: ибо слабостямъ подвержены всѣ люди; но не извинительно ихъ упорство. Должно было имъ разсудить, что ежели бы оное поправленіе не было добро, то благочестивый государь, весь православный духовный Россійскаго чина государства, благовѣрные бояре и всѣ русскіе люди сего бы не приняли. Но не хотѣли они разсудить сего,—да, напротивъ

не повинаясь повелѣніямъ благочестивыхъ государей, не слушая увѣщаній святаго Церкви и не слѣдуя добрымъ примѣрамъ другихъ, въ своихъ мнѣніяхъ уперлися, да не только сіе, но притомъ, о великаго злоключенія! любовь, которою насъ Христосъ связалъ, разорвали, и отъ матери своей, отъ святой Церкви, отлучилися.

Обыкновенно же случается, что ежели кто какую болѣзнь съ самаго начала оставитъ безъ исцѣленія, то она отъ часъ часу больше усиливается, и, наконецъ, бываетъ неисцѣлною. То же самое случилось и съ нами нашими, именующимися старовѣрами. Когда они впали въ извѣстную погрѣшность, то не подумали себя исправить, но, упорно стоя въ своихъ мысляхъ, почли и многія другія вещи для себя соблазнительными. Начали толковать о сложеніи перстовъ, о четвероконечномъ крестѣ, о седми просфорахъ, о хожденіи въ церкви посолонь, и о другихъ многихъ мелкостяхъ. Извѣстно, что въ неправости согласія нѣтъ. Изъ сего раздора произошли разныя толки, какъ напримѣръ, поповщина, безпоповщина, онуфриѣвщина, софонтіевщина, христовщина, кадильники, перекрещиванцы и прочіе многочисленныя. Всѣ сіи толки между собою несогласны, и однимъ другой проклинается; однако, всѣ согласны въ томъ, чтобы противъ Церкви Христовой возставать, и сей не покоряться.

Итакъ, отсюда родился великій въ Церкви развратъ, многіе, оными толками прельщенные, оставляютъ свои дома, дѣтей, сродниковъ; оставляя святыя храмы, бѣгутъ въ лѣса, кроются въ подземныхъ ямахъ, не имѣютъ Божіихъ церквей, ни пастырей, ни таинъ, умираютъ безъ покаянія и святаго причастія, а иные, чего нельзя безъ слезъ и помянуть, самовольно сжигаются, и думаютъ, заблужденные, аки бы они своимъ самоубійствомъ получать отъ Бога вѣнецъ мученичества, и дѣлаютъ другія многія неистовства.

Какими слезами можно довольно оплакать всѣ сіи заблужденія? могла ли Церковь Христова подумать, что такая язва приключится ей отъ собственныхъ чадъ? а напротивъ изъ того, чрезъ что она хотѣла видѣть лучшее между православными благочиніе? постигнѣ, не предвидѣла она сего злоключенія. А ежели бы предвидѣла, то лучше бы, можетъ, захотѣла она снести въ книгахъ нѣкоторыя погрѣшности въ словахъ, нежели видѣть такой между правовѣрными раздоръ. Одного Россійскаго государства жители, одной Церкви чада; одной вѣры питомцы, своихъ сожителей, своихъ одновѣрцовъ отвращаются, ненавидятъ и носятъ.

Сіе отлученіе несогласниковъ нашихъ отъ Церкви потому больше печально и болѣзненно, что они согласны съ нами въ силѣ самой вѣры, а только за одні мелкости спорятъ, и отъ насъ зато отдираются.

Скажите вы, именующіеся старовѣры, вопрошаетъ васъ святая Христова Церковь: скажите, почто вы отъ насъ отлучаетесь? вѣруете вы въ единого Бога, во Святой Троицѣ славимаго, такъ, какъ и мы; вы Спасителя міра, Господа нашего Иисуса Христа, исповѣдуете такъ, какъ и мы; вы священное Евангеліе и святыя вселенскіе и помѣстные соборы за правило вѣры и благочестиваго житія почитаете такъ, какъ и мы; вы ожидаете воскресенія мертвыхъ такъ, какъ и мы; вы содержите, что имѣеть быть награжденіе благимъ и наказаніе злымъ такъ, какъ и мы. А въ сихъ членахъ содержитсяъ вся сила вѣры. „Сей есть животъ вѣчный“,—сказуетъ Евангелистъ Іоаннъ въ главѣ 17,— „да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога, и Его же послалъ еси Иисусъ Христа“. Тому же учитъ и святой апостолъ Павелъ, къ римлянамъ: „Аще исповѣси усты твоими Господа Иисуса и вѣруши въ сердца твоемъ, яко Богъ Того воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися“ (Римл., 10, 9). Сія Божественная вѣра утверждается любовію и благими дѣлами, о чемъ такъ глаголетъ Спаситель нашъ: „Аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему приидема и обитель у него сотворима“. (Іоанн., 14, 23). То же самое пишетъ и святой Апостолъ Павелъ, I къ коринѳянамъ: „Аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставаюти, любви же не имамъ, ничтоже есмь“ (13, 2). Въ сихъ членахъ состоитъ вся сила вѣры Евангельскія, а въ силѣ сей вы съ нами согласны. Такъ почто же отъ насъ отлучаетесь? Почто Христову Церковь, мать нашу, оставляете? Почто любовь, которою связалъ насъ дражайшій Спаситель, разрываете? Почто нарушаете вѣчный Евангельскій завѣтъ, которымъ мы призваны въ единомысліе и согласіе?

На сіе отвѣчаете вы, что „для того-де отъ васъ отлучаемся, что вы не по старымъ книгамъ служите, что не такъ слагаете персты въ изображеніи креста, что принимаете и четвероконечный крестъ, что служите не на седми просфорахъ, что крестите и вѣнчаете, не ходя по солиду“. Сии знатнѣйшія, по мнѣнію вашему, у насъ—погрѣшности, и вы почитаете ихъ столь великими, что для сего оставляете Церковь, таишь не приобщаетесь, и отлучаетесь отъ насъ, хотя въ самой силѣ вѣры съ нами и согласны.

О ПОВОИСПРАВЛЕННЫХЪ КНИГАХЪ.

Мы разберемъ кратко съ чистою совѣстію сии погрѣшности, которыми вы насъ порицаете, что подлинно ли мы съ вами въ томъ несогласны, и что слѣдовало ли вамъ за то отъ Церкви отдираться? Во-первыхъ, вы представляете, что будто у насъ старыя книги попорчены.

На сіе мы вамъ отвѣствуемъ, показано уже выше, что поправленіе книгъ начато гораздо прежде времени великаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича и патриарха Никона. И потому ежели поправленіемъ книгъ церковныя испорчены, такъ надобно признаться, что уже испорчены онѣ были и прежде Никона патриарха, еще при государѣ царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. А ежели тогда книги поправленіемъ не испорчены, такъ почтожь говорить, что они послѣ такимъ же поправленіемъ испорчены?

Подлинно при патриархѣ Никонѣ книги поправлены, но не испорчены. Книги церковныя были бѣ испорчены, ежели съ въ нихъ перемѣнена была самая сила. Напримѣръ, ежели бѣ въ старыхъ книгахъ написано было: „Богъ спасенія веѣмъ хоцетъ“, а въ новыхъ было бы напечатано: „Богъ не веѣмъ спасенія хоцетъ“; ежели бѣ въ старыхъ было написано: „Сынъ Божій есть равенъ Отцу и Святому Духу“, а въ новыхъ было бы напечатано: „Сынъ Божій не есть равенъ Отцу и Святому Духу“; въ старыхъ бы было написано, что „воскресеніе мертвымъ будетъ“, а въ новыхъ бы было напечатано, что „воскресенія мертвымъ не будетъ“. Ежели бѣ было такое исходство новыхъ книгъ съ старыми, то подлинно можно бы было сказать, что книги попорчены и еретическія. А ежели бѣ только была перемѣна въ словахъ, а сила осталася бы та же: то нельзя бы еще сказать, что книги попорчены. Напримѣръ, ежели бы въ старыхъ было написано: „Господи помилуй“, а въ новыхъ бы было напечатано: „Боже, или Владыко, помилуй“; ежели бы въ старыхъ было написано: „Богъ спасенія веѣмъ хоцетъ“, а въ новыхъ было бы напечатано: „Богъ о спасеніи веѣхъ печется“. Въ старыхъ бы было написано: „Сынъ Божій есть равенъ Отцу и Святому Духу“, а въ новыхъ бы было напечатано: „Сынъ Божій есть Богъ, якоже есть Богъ Отецъ и Святой Духъ“. Ежелибѣ такія въ книгахъ были перемѣны, то нельзя бы еще сказать, что книги попорчены: понеже хотя другими словами, но та же сила изобразуется.

Такъ и наши исправленныя книги нельзя назвать испорченными, понеже хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слова и перемѣнены, но сила въ старыхъ и новыхъ книгахъ все—одна. Вотъ, докажемъ сіе примѣрами. Въ старыхъ нашихъ книгахъ было читано: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя“; а въ новыхъ печатается также, но притомъ печатается и такъ: „Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ“. Здѣсь въ словахъ хотя есть перемѣна, но сила одна: ибо Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій и истинный Богъ. И потому можно читать и то и другое—и Сыне Божій, и Боже нашъ. Въ старыхъ было читано: „Богородице Дѣво, радуѣся, обрадованная Маріе“, а въ новыхъ печатается: „благодатная Маріе“. Въ сихъ разныхъ словахъ сила—одна: понеже Пре-

святая Богородица есть и благодати и радости исполнена. Въ Богородичиѣ молитвѣ было по старому читано: „яко родила еси Христа Спаса и Избавителя душамъ нашимъ“; а въ новыхъ написано: „яко Спаса родила еси душъ нашихъ“. И то все одно—понеже Спасъ и Избавитель одно означеніе имѣютъ, и Спасъ нашъ не кто другой есть, какъ только Иисусъ Христосъ. По старымъ книгамъ пѣли: „трисвятую пѣснь приносяще“; а нынѣ поютъ—„припѣвающе“. И то все одно: ибо, кто приноситъ пѣснь, то поетъ, и кто поетъ пѣснь, то и приноситъ пѣснь. Въ старыхъ книгахъ читали: „и во вѣки вѣкомъ“; а по новымъ читаютъ: „и во вѣки вѣковъ“. И сихъ словъ сила есть та же, ибо и тѣмъ и другимъ означается вѣчное Божіе пребываніе. Въ нѣкоторыхъ старыхъ книгахъ было читано „аллилуія“ дважды, а въ третій разъ: „слава Тебѣ, Боже“; а въ новыхъ печатается: аллилуія по трижды, и слава Тебѣ, Боже. Здѣсь въ словахъ хотя есть разность, но нѣтъ въ силѣ разности. Ибо, кто читаетъ дважды аллилуія, а въ третій разъ—слава Тебѣ, Боже, тотъ прославляетъ Святую Троицу: а кто читаетъ аллилуія трижды, тотъ также прославляетъ Святую Троицу; а прибавленіемъ—слава Тебѣ, Боже, означаетъ, что въ Троицѣ есть едино Божество. Въ старыхъ книгахъ было читано: „и спаси, Спасе нашъ, люди согрѣшныя“; а въ новыхъ печатается: „и спаси, Спасе нашъ, люди отчаянныя“. Въ сихъ словахъ хотя есть разность, но нѣтъ въ силѣ разности: ибо согрѣшніе не могутъ надѣяться на свои дѣла, развѣ токмо на милосердіе Божіе. А и отчаянныя здѣсь то же значить, что и люди согрѣшныя, то есть, которые не надѣются на свои дѣла, но паче надѣются на милосердіе Божіе. Ежели бы въ новомъ переводѣ люди отчаянные значили такихъ людей, которые отчаялись о милосердіи Божіи, то подлинно такой переводъ былъ бы погрѣшителенъ; но такого разума наша Церковь не приемлетъ. Въ нѣкоторыхъ старыхъ книгахъ въ символѣ было писано: „Его же царствію нѣсть конца“, а въ новыхъ положено: „Его же царствію не будетъ конца“. И въ сихъ словахъ есть совершенное согласіе: ибо Христову царствію поистинѣ и нѣсть конца, и не будетъ конца; нѣсть конца, ибо Онъ всегда царствуетъ со Отцемъ и Духомъ. И не будетъ конца, ибо когда Онъ придетъ судити живымъ и мертвымъ, тогда избранныхъ Своихъ приметъ въ Свое небесное царство, и сему блаженному царствованію никакого окончанія никогда не будетъ. Опять въ старыхъ нѣкоторыхъ книгахъ въ символѣ было читано: „и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго“. А въ новопечатныхъ книгахъ сіе слово—„истиннаго“ оставлено для того, что не дерзнули того слова въ символѣ положить, котораго не находится въ символѣ греческомъ. Однако, смъ оставленіемъ сила не нарушена: ибо кто вѣруетъ, что Духъ Святый есть Господь животворящій, и отъ Отца исходящій, тотъ

неотмѣнно вѣруеть, что Духъ Святый есть и истинный. Ибо нельзя, чтобъ Духъ Святый былъ Господь и животворящій, а не былъ бы истинный, сего и подумать нельзя. Въ старыхъ нѣкоторыхъ книгахъ было писано имя Испупителя нашего съ титлоу тако: Ис.; а въ новыхъ печатается: Исусъ, и тѣхъ словъ сила—одна. Ибо какъ подь онымъ именовемъ Исусъ разумѣте вы Спаситель нашъ, такъ и симъ именовемъ Исусъ означается тотъ же нашъ Спаситель. И потому напрасно спорить о сей частицѣ слова; и, когда согласно мы приедемъ одного Спасителя, и въ Него вѣруемъ. Много бы можно было привести и другихъ примѣровъ, въ которыхъ хотя и сдѣлалась нѣкоторая переменна словъ, но сила осталась одна непремѣнна. И потому нельзя сказать, чтобъ новоисправленные книги были испорчены, когда въ нихъ съ старыми книгами содержание есть сходное.

Здѣсь можете вы намъ сказать, что въ священныхъ правилахъ написано: „Аще кто прибавить или убавить, да будетъ проклятъ“. Правило сіе принимаемъ мы и почитаемъ за истинное, но разумѣть его надобно такъ, что ежели кто въ силѣ святыя вѣры сдѣлаеть какое-нибудь прибавленіе или убавленіе, тотъ подлежить проклятію; а не тотъ, кто въ словахъ сдѣлаеть поправленіе, а силы не коснется. Такъ, напримѣръ, злочестивый Арій не принималъ Господа нашего Исуса Христа быти истиннаго Бога, и тѣмъ нарушалъ силу вѣры, а не одни слова, и для того подверженъ сталъ проклятію. Манихей еретикъ училъ, что два Бога—одинъ добрый, а другой злой: симъ ученіемъ разорялъ истинную вѣру, и потому достойно былъ проклятъ. Пелагій еретикъ отвергалъ дѣйствіе благодати Божія, и для того наказанъ анаеемою. Ту же церковную казнь заслужили всѣ тѣ, которые прибавляли или убавляли что-нибудь въ силѣ вѣры.

А которые что-нибудь прибавляли или убавляли, не нарушая силы, тѣхъ не только Церковь не проклинала, но и похваляла. Докажемъ то примѣрами. Извѣстно, что литургія прежде была святаго апостола Іакова, которую послѣ убавилъ или сократилъ святой Василій Великій, а потомъ и Василіеву убавилъ святой Златоустъ; однако, сихъ святыхъ мужей Церковь не только не прокляла, но еще великими почтила хвалами, и въ числѣ святыхъ поставила. Символа вѣры, какой нынѣ въ церквахъ читается, прежде Никейскаго собора въ церквахъ не было. Но святой Никейскій соборъ его церквамъ предалъ; однако, симъ новымъ прибавленіемъ не только Церковь ни мало не смутилась, но еще паче утвердилась. Благодетельный государь Іустиніанъ внесъ въ службу Божію оный стихъ: „Единородный Сыне и Слове Божій“ и прочая; однако, за сіе прибавленіе отъ Церкви не наказанъ, но похваленъ. Да и всѣ почти церковныя нѣснопѣнія, каноны, триѣснцы, тропари, кондаки,

икосы, послѣ въ церковь взошли, ибо они сочинены были иныя отъ Дамаскина, иныя отъ Космы, иныя отъ Германа, иныя отъ Анатолія, иныя отъ Кассія монахини, иныя отъ Льва царя, около осми сотъ, девяти сотъ и тысячи лѣтъ послѣ Рождества Христова. Однако, за сіи новыя и великія прибавленія оныхъ творцовъ Церковь не токмо не прокляла, но еще вѣчными ублажаетъ хвалами. А для чего?—для того, что они хотя иное прибавляли, иное убавляли, однако, силы вѣры нимало не опорочили. И потому не тотъ, кто въ словахъ дѣлаетъ какое-нибудь прибавленіе или убавленіе, достоинъ проклятiя; но тотъ, кто силы прибавляетъ или убавляетъ, тотъ подлежитъ анаемѣ. А въ новоисправленныхъ нашихъ книгахъ хотя сдѣлано нѣдѣ прибавленіе, нѣдѣ перемѣна, но въ однихъ словахъ, а сила нигдѣ не повреждена, какъ выше показано. И потому исправители нашихъ книгъ достойны не наказанія церковнаго, но благословенія и благодаренія.

На сей нашъ отвѣтъ вы намъ предложите, что „ежели въ старыхъ и новыхъ книгахъ—сила одна, такъ не зачѣмъ было слова и перемѣнять“. На сіе уже прежде отвѣтствовано было нами, что въ нѣкоторыхъ старыхъ книгахъ многія были отъ неискусныхъ переписчиковъ недописи, описы, иногда и разуму противныя, а нѣдѣ и излишнія приписки, а чрезъ то съ греческими книгами было нѣкоторое несходство. И потому надобно было оныя неисправности исключить, дабы чрезъ то мы съ греческою православною Церковію не только въ силѣ, но и въ самыхъ словахъ имѣли точное сходство. А поправленіемъ книгъ до сего въ словахъ согласія мы достигли, и противныя разуму описы и излишнія приписки исключили.

Еще говорите вы намъ, что „по старымъ, де, книгамъ у насъ въ Руси мнози святіи чудотворцы просіяша, и вси по симъ книгамъ служили, и Богу угодили“. На сіе легко отвѣчать тому, кто знаетъ, въ чемъ состоитъ спасеніе истиннаго христіанина: ибо „не въ словесахъ царствіе Божіе, но въ силѣ“, по ученію святаго апостола Павла (1 Кор., 4, 20). Благодать Божія, соединенная съ непорочною совѣтiю, спасаетъ насъ. И для того нѣтъ сомнѣнія, что святые древніе чудотворцы подлинно спаслися по старымъ книгамъ, да не за старыя книги; но что имѣли усердную къ Богу вѣру, истинное предъ Богомъ смиреніе, и Господни заповѣди исполняли со всякимъ тщаніемъ, и пребывали въ соединеніи съ Церковію. За сіе они угодили Богу и спаслися, а не за старыя книги: понеже въ древности были и такіе, которые хотя и по старымъ книгамъ служили, однако вѣры не имѣли, и беззаконно до смерти жили, то душею вѣчно погибли. То же надобно сказать и о новоисправленныхъ книгахъ. Ежели кто имѣетъ истинную въ Бога вѣру, и заповѣди Божія исполняетъ, тотъ, когда по новоисправленнымъ книгамъ

служить будеть, можетъ угодить Богу. А кто о вѣрѣ нерадитъ и нечестиво живеть, тотъ, по какимъ книгамъ ни читаетъ, по новымъ ли или по старымъ, Божія осужденія не убѣжить.

Такъ разсудите же безпристрастно вы, которые новыя книги не принимаете, а только держитесь старыхъ, есть ли причина вамъ насъ порицать за новыя книги и за то отъ Церкви отрываться? Не въ старости книгъ спасеніе полагайте, но знайте, что ежели кто Богу служитъ, а притомъ будеть исполнять Божія заповѣди и останется въ соединеніи съ Христовою Церковію, тотъ можетъ угодить Богу. Такъ надобно же и вамъ съ кротчайшимъ христіанскимъ духомъ разсуждать о новоправленныхъ книгахъ, и не думать столь жестоко, аки бы уже всѣ тѣ погиблі, которые по новоправленнымъ книгамъ служатъ, хотя бы усердію къ Богу имѣли вѣру и жили непорочно. Престаньте вы отъ таковаго упорства, умоляетъ васъ святая Христова Церковь; она увѣряетъ васъ Евангельскимъ благословеннымъ гласомъ, что вы, ежели въ соединеніи пребудете съ нею, и сохраните вѣру и любовь, спасетесь; а за единую старость или новостъ книгъ осуждены не будете. Не разборчивость между старыми и новыми книгами, но свидѣтельство непорочныя совѣсти спасаетъ насъ.

О СЛОЖЕНІИ ПЕРСТОВЪ.

Но вотъ еще и другое соблазняетъ васъ, а именно, что мы въ изображеніи креста слагаемъ не тѣ персты, которые персты слагаете вы. Разсудимъ же и о семъ, подлинно ли мы съ вами въ томъ не согласны, и слѣдуетъ ли вамъ за то отъ насъ отвращаться? Изъ Церковной Исторіи узнать можно, что еще въ самыя апостольскія времена крестное знаменіе рукой на себѣ изображали, но какъ и какіе къ изображенію сему персты слагали, о томъ въ древнихъ повѣствованіяхъ ни мало не упоминается. Мы теперь, по церковному обычаю, когда изображаемъ на себѣ крестъ, слагаемъ три перста, соединяя вкупѣ большой палецъ, указательный и средній, а оставшіеся два къ ладони пригибаемъ; а вы слагаете большой палецъ съ двумя послѣдними, а указательный и средній оставляете прямостоящими. Не можно по пальцамъ узнать, которое сложеніе перстовъ есть справедливѣе: ибо пальцы, какъ ихъ ни сложить, все останутся пальцы. А ежели хочемъ вѣдать, которое сложеніе перстовъ истиннѣе есть, то надобно знать, которое сложеніе перстовъ согласно съ вѣрою, и которое нѣтъ: ибо вѣра содержится въ умѣ и въ сердцѣ, а не въ пальцахъ. Ежели спросить васъ: „для чего вы три персты большой съ послѣдними соединяете?“ вы отвѣчаете, что „симвъ, де, соединеніемъ трехъ перстовъ изображаемъ мы Святую Троицу“. Очень изрядно, чтобъ слагать персты и ими изо-

бражать Святую Троицу. Опять спросить васъ: „что оставшимися двумя перстами указательнымъ и среднимъ изобразуете“? Вы отвѣчаете, что „изобразуетъ ими два во Христѣ соединенныя естества, Божеское и человѣческое“. Очень изрядно, чтобъ соединять руки персты, и изображать ими два во Христѣ соединенныя естества. Пускай же теперь спросите вы насъ: „что вы изобразуете тремя соединенными перстами, большимъ, указательнымъ и среднимъ“? Мы вамъ тотчасъ отвѣчаемъ, что „изобразуетъ ими Святую Троицу“. Ежели опять спросите: „что вы изобразуете оставшимися двумя послѣдними перстами“? мы вамъ отвѣчаемъ, что „изобразуетъ ими два во Христѣ соединенныя естества“. Такъ какъ же теперь осталось между вами и нами несогласіе? Нѣтъ никакого. Будемъ ли мы за пальцы браниться, когда въ вѣрѣ о Святой Троицѣ согласны? Да вы, де, не тѣ пальцы слагаете, говорите вы намъ. Но сила—не въ пальцахъ, а сила—въ томъ, чтобъ ими изображать Святую Троицу.

Но какая, де, Святая Троица—въ щелоти? такъ вы называете наше сложеніе перстовъ. На что мы говоримъ, что подлинно Святая Троица обитаетъ не въ пальцахъ, но въ умѣ и въ сердцѣ; а только умъ нашъ чрезъ сложеніе тріехъ перстовъ изображаетъ Святую Троицу. Подобно и въ нашемъ перстовъ сложеніи нѣтъ Святой Троицы; а только умъ вашъ изображаетъ имъ Святую Троицу. Не въ томъ—сила, какіебъ персты ни слагать, толькобъ вѣра о Святой Троицѣ была не поврежденна. А и сами вы не порицаете насъ, чтобъ мы не право вѣровали о Святой Троицѣ. Такъ о чемъ же спорить? за что разлучаться? поистинѣ не за что.

Здѣсь можете вы намъ сказать, что „ежели не въ томъ—сила, какъ персты ни слагать, такъ зачѣмъ было и вводить прежде не всѣми употребляемое треперстное сложеніе“?

На сіе отвѣствуемъ, что сіе сдѣлано для того, чтобъ въ обычаяхъ церковныхъ не имѣть несходства съ греческою православною Церковію, отъ которой мы какъ вѣру, такъ и всѣ преданія приняли. И потому праведно было, чтобъ съ нею во всемъ согласовать. А многіе, изъ Греціи пріѣзжающіе, знатнаго духовнаго чина люди, между тѣмъ и святѣйшіе восточные патріархи зазирали, что мы, будучи съ ними одной вѣры и въ совершенномъ соединеніи, въ перстномъ сложеніи не сходствуемъ. И для того разсуждено быть за справедливое и въ семъ обычаѣ съ греческою Церковію совершенно согласиться. А ни мало не думано, чтобъ за сіе какой-нибудь могъ произойти споръ. Ибо кто бъ подумалъ, чтобъ тѣ стали за пальцы спорить, которые въ вѣрѣ согласны?

На сіе вы сказываете, что „и въ Греціи, де, обычай, чтобъ по нашему персты слагать, есть испорочень; а прежде, де, тамъ того не

бывало“. На сіе отвѣствуемъ, что нельзя сказать, чтобъ въ греческой Церкви перстное сложеніе нынѣ было неправое: ибо греческой вѣры люди находятся во всемъ свѣтѣ въ разныхъ мѣстахъ. Ежелибъ перстное сложеніе было испорчено въ такъ называемой собственно Греціи, то могло бы оно неповрежденно остаться на многочисленныхъ островахъ Средиземнаго моря, гдѣ греческой вѣры людей неисчислимое множество. Ежелибъ оно испорчено было и на островахъ, то могло бѣ цѣло остаться въ Африкѣ, въ Египтѣ, или въ Аравіи, на Синайской горѣ, или въ Палестинѣ, во Іерусалимѣ, или въ Сиріи, и въ Анатоли. Но нѣтъ: во всѣхъ сихъ пространнѣйшихъ странахъ люди слагаютъ персты такъ, какъ мы христіане греческой вѣры благочестиваго исповѣданія греческаго.

А хотябъ и во всѣхъ оныхъ странахъ сложеніе перстовъ было испорчено: такъ моглобъ оно еще цѣло остаться у другихъ народовъ, которые исповѣданія также греческаго, а съ греками или сообщенія не имѣютъ, или весьма отъ нихъ мѣстомъ удаленны, напримѣръ, у болгаровъ, молдавовъ, валаховъ, далматовъ, сербовъ, кроатовъ, славоновъ, грузинцовъ, также у многихъ православныхъ, подъ областію польскою обитающихъ; однако, всѣ сіи народы до единого въ изображеніи креста слагаютъ персты такъ, какъ и мы. Такъ откуда же бы всѣ сіи народы приняли сей обычай? постигнѣ, нельзя и придумать, какъ бы могло введено быть такое обыкновеніе между столь различными народами: развѣ сказать, что они его отъ самыхъ древнихъ апостольскихъ временъ приняли. И потому не возможно сказать, чтобъ сложеніе перстовъ въ греческой православной Церкви было не правое. Сей обычай и мы себѣ присвоили, однако, со всѣмъ тѣмъ Церковь наша вѣру не поставляетъ въ пальцахъ, но въ умѣ и въ сердцѣ. Ежели вѣра о Святѣй Троицѣ есть испорочна: то какими бы пальцами ее ни изображать, нѣтъ бѣды спасенію. А ежели кто о Святѣй Троицѣ не право мудрствуетъ, то, какъ бы онъ персты ни слагалъ, по нашему ли или по нашему, тогда сложеніе перстовъ ничего не упользуеть.

Такъ перестаньте жъ вы о сложеніи перстовъ много волноваться. Это—одно упорство, чтобъ въ вѣрѣ о Святѣй Троицѣ быть согласнымъ, а за пальцы спорить: осудить васъ самая Святая Троица, что вы, стои за пальцы, любовь нарушаете; а любовь есть пріятнѣе Святѣй Троицѣ, нежели сложеніе перстовъ всѣхъ рукъ, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ. Не о томъ много спорьте, какъ раздѣленные персты соединять, но о томъ больше подумайте, какъ бы раздѣленные отъ Церкви души соединить во едино стадо подъ правительство единого пастыря Господа Іисуса Христа.

О ЧЕТВЕРОКОНЕЧНОМЪ КРЕСТѢ.

Но вы еще не успокаиваетесь. Вы кричите, для чего мы принимаемъ крестъ съ четырьмя концами, который крестъ не называете вы крестомъ, но „крйжемъ латинскимъ“? А надобно, де, почитать одинъ крестъ осмиконечный съ восьмью концами. Мы не только осмиконечный крестъ не отвергаемъ, но и почитаемъ его и лобызаемъ ради Распятого на немъ за ны Господа; и для того во святыхъ нашихъ храмахъ вездѣ почти осмиконечные кресты и на престолѣхъ, и на иконостасахъ, и на церковныхъ главахъ. Однако, нельзя сказать, развѣ противъ совѣсти, чтобы и четвероконечный крестъ не былъ крестъ: ибо сами вы называете его крйжемъ, а крйжь есть слово польское, и то же значить, что и крестъ. И хотя его употребляютъ латины отступники, однако, для сего отвергать его не слѣдуетъ: ибо латины хотя впали во многія ереси и заблужденія, однако, въ крестѣ съ нами согласны, и никто изъ древнихъ святыхъ отцевъ въ томъ ихъ не обличалъ.

Но притомъ и изъ самаго Евангелія очень ясно видно, что и те осмиконечный крестъ называется крестомъ, да еще крестомъ Христовымъ. У евангелиста Матоея (въ главѣ 27-й) пишется, что Симону Күринейскому „задѣша понести крестъ Его“, то есть, Христовъ; также пишетъ и Евангелистъ Іоаннъ (глава 19): „нося (Иисусъ) крестъ Свой, пзыде на глаголемое лобное мѣсто“. Вотъ оба—Евангелиста сей, несенный Христомъ, крестъ называютъ крестомъ, да и крестомъ Его, то есть, Христовымъ, слѣдовательно истиннымъ крестомъ; однако, сей крестъ не былъ осмиконечный. Ибо, по признанію самихъ васъ, въ составъ осмиконечнаго креста надлежать и титла, положенная Пилатомъ на крестѣ. А въ то время, когда несъ Господь Иисусъ крестъ Свой, и Симонъ Күриней, тогда еще на крестѣ титлы положено не было. Ибо, по благовѣстію Матоеву, титла положена была на крестѣ, какъ уже распять былъ Господь; однако, и прежде положенія титлы крестъ называютъ Евангелисты Христовымъ, хотя онъ еще и не былъ осмиконечный.

Но что нужды много говорить о семъ? сами вы внутренно то сознаете, но упорство не попускаетъ вамъ откровенно признаться. Ибо ежели сказать вамъ: „перекреститесь“, и ты перекрестишься. Да какъ? изобразишь ты на себѣ святой крестъ не осмью, но четырьмя концами. Во-первыхъ, изображеніе креста положишь на челѣ, вотъ—одинъ конецъ; потомъ положишь на персѣхъ, вотъ—второй конецъ; потомъ на правомъ плечѣ, вотъ—третій конецъ; потомъ на лѣвомъ плечѣ, вотъ—четвертый конецъ. И такъ, сталъ четвероконечный крестъ; послѣ сего ежели спросить васъ, истиннымъ ли вы изображаетесь крестомъ, или не истиннымъ? вы отвѣтствуете, что истиннымъ.

Такъ поэтому и четвероконечный крестъ—истинный, скажемъ мы вамъ. На сіе вы молчите. Такъ не упорство ли это? не есть ли знакъ души, въ познании истинѣ не признающейся?

А ежели что вы и говорите, то сіе,—„что это, де, не тотъ крестъ, на которомъ Христосъ распялся“. Мы на сіе скажемъ вамъ: пускай, по мнѣнію вашему, Христосъ распялся на семиконечномъ крестѣ, однако, притомъ нельзя сказать, чтобы и четвероконечный крестъ не былъ истинный крестъ, ибо ежелибы онъ былъ не истинный, то не надобно было бы вамъ имъ креститься. А ежели имъ, со всѣмъ тѣмъ, вы креститесь, то поэтому креститесь крестомъ неистиннымъ; но не можете вы сказать, чтобы крестились крестомъ неистиннымъ. Такъ почтоже не называть его крестомъ, да называть крѣжемъ латинскимъ, или еще (что по истинѣ великая есть Христу досада) печатью антихристовою? Такъ поэтому вы крестились крѣжемъ латинскимъ и печатью антихристовою? О, злое упорство! къ чему ты доводишь непокорныя сердца. Крестъ, де, четвероконечный—печать антихристова; а однако, сою печатью антихристовою во имя Христова вы изображаетесь. Прости имъ, Владыко Христе, таковое хуленіе, и свѣтомъ благодати Твоея озари сердца ихъ.

Но кромѣ того, что четвероконечный крестъ изображаете вы на себѣ, кромѣ того еще во всѣхъ старыхъ книгахъ положено, что когда священникъ совершаетъ святое крещеніе, или освящаетъ святыя Дары, тогда благословляетъ онъ рукою воду крещенія, или приносимыя дары, и изображаетъ четвероконечный крестъ. Да и во всякихъ другихъ церковныхъ обрядахъ всегда священники благословляли четвероконечнымъ крестомъ. Вамъ нельзя сказать, аки бы тайны при древнихъ святыхъ великихъ чудотворцахъ не совершались. Кто это дерзнетъ сказать? однако, при совершеніи оныхъ таинъ архіереи ли, или іереи благословляли, изображая рукою четвероконечный крестъ, а не печать антихристову. Сверхъ сего, ежели бы перебрать всѣ древнія святыя иконы, церковныя ризы и сосуды, сплошь бы увидѣли не только осмиконечный, но и четвероконечный крестъ. Но перестанемъ говорить о концахъ святаго креста, а вмѣсто того разсудимъ, для чего мы, христіане, почитаемъ честный крестъ, и слѣдуетъ ли намъ за концы другъ отъ друга отдираться?

Когда мы почитаемъ святой крестъ, не для древа почитаемъ, изъ котораго онъ составленъ, и для не того опять, что онъ столько-то имѣетъ концовъ; но ради распятаго за ны на немъ Господа нашего Иисуса Христа Царя славы, Который Своєю кровію, проліянною за искупленіе гаше, освятить его. А безъ того онъ никакого бы почтенія не былъ достоинъ, изъ чего бы онъ ни сдѣланъ былъ, и сколько бы

концовъ ни имѣлъ. Да и самымъ дѣлсмъ прежде Господня на немъ распятія онъ не только ни отъ кого почитаемъ не былъ, но напротивъ за безчестное древо почитался: ибо въ законѣ было писано: „Проклятъ всякъ висяй на дрѣвѣ“ (Второзак. гл. 21, ст. 23).

Теперь спросимъ же мы васъ: для чего вы почитаете святой осмиконечный крестъ? На то скажете: „для того, что распять на немъ за насъ Искупитель нашъ“. Очень изрядно, съ какими бы концами ни почитать крестъ, только бы почитать его ради Иисуса Христа, распятаго на немъ. Спросите же и вы насъ: „для чего мы почитаемъ осмиконечный и четвероконечный крестъ?“ мы вамъ на то скажемъ, что „ради Иисуса Христа, распятаго за насъ“. Такъ въ чемъ же мы несогласны?—въ однихъ концахъ. Да крестъ Христовъ почитается не ради концовъ, но ради Самого Иисуса Христа, въ Котораго и вы и мы равно вѣруемъ, равно Его заслугами хвалимся и спастися уповаемъ. Не для чего спорить за концы тѣмъ, которые согласно Иисуса Христа за Искупителя своего признаютъ.

Ежели бы мы, принимая четвероконечный крестъ, притомъ нѣкоторыя скрытыя противъ Христа имѣли мысли, то подлинно была бы причина вамъ насъ отвращаться. Но мы свидѣтельствуемся Богомъ живымъ, что во Христа вѣруемъ такъ, какъ священное Его Евангеліе учить. Возьмите вы сіе въ разсужденіе, и, всякое упорство отвергнувъ, почитайте истину, а притомъ молитесь съ чистою совѣстію Святаго Духа, да коснется Онъ сердца вашего, и дѣйствіемъ Своимъ спасительнымъ да склонитъ его къ любви и согласію.

О СЕДЬМИ ПРОСФОРАХЪ.

Вы еще порицаете насъ за то, что мы служимъ на пяти просфорахъ, а „надобно, де, служить на семи просфорахъ“. Разберемъ мы и сіе по самой истинѣ изъ Евангельскихъ и отеческихъ основаній, а разобравъ, посмотримъ, слѣдуетъ ли за пять или за семь просвирь дѣлать такой въ Церкви раздоръ? Всякъ христіанинъ вѣдаетъ, что святаго причастія установитель есть Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Онъ Самъ сію тайную вечерю съ учениками Своими совершилъ, а совершилъ не надъ многими хлѣбами, или просфорами, но надъ однимъ хлѣбомъ или просforoю, о чемъ пишутъ согласно всѣ Евангелисты и апостоль Павелъ. Святой Матвей пишетъ, что „пріемъ Иисусъ хлѣбъ (а не хлѣбы) и благословивъ преломи“. То же самое написалъ и святой Лука: „пріемъ хлѣбъ (а не хлѣбы) и хвалу воздавъ, преломи“. А святой апостоль Павелъ (1 посл. къ Кор. гл. 10 и 11) не только изъясняетъ, что Христосъ взялъ въ руки Свои хлѣбъ, а не хлѣбы, но притомъ пишетъ (гл. 10, ст. 17): „Яко единъ хлѣбъ,

едино тѣло есмы мнози, и что всѣ отъ единого хлѣба причащаются“. Сему Господню примѣру и Апостольскому ученію Церковь и послѣдовала, да и нынѣ послѣдуетъ. Ибо пять ли, или семь принять просфоръ, однако, служба Божія совершается надъ одною просфорою, что называется Агнецъ, а не надъ всѣми просфорами, и отъ единого только Агнца священники и прочіе христіане причащаются; а отъ прочихъ просфоръ и отъ вынутыхъ изъ нихъ частицъ никто не причащается, и причащаться не повелѣно ни по новымъ, ни по старымъ книгамъ. А въ службѣ, именуемой преждеосвященной, и совсѣмъ никакихъ просфоръ, кромѣ Агнца, не положено, однако тайна приобщенія совершается, и всѣмъ христіанамъ преподается; и то дѣлано, и дѣлается въ силу Евангельскаго и Апостольскаго ученія, что Иисусъ Христосъ надъ единымъ хлѣбомъ совершилъ тайну Свою. И Апостоль объявляетъ, что христіане всѣ отъ единого хлѣба причащаются, дабы чрезъ то показать, что всѣ христіане любовію и согласіемъ связаны во едино.

А когда Господь Иисусъ Христосъ совершилъ вечерю Свою надъ единымъ хлѣбомъ, и апостолы тому же учать; да и Церковь какъ прежде, такъ и нынѣ совершаетъ службу Божию насъ единымъ Агнцемъ, и имъ однимъ христіанъ причащаетъ, такъ какъ же другіе, кромѣ одного, хлѣбы или просфоры вошли при службѣ въ употребленіе,—о семъ должно здѣсь изслѣдовать.

Въ Апостольскія времена у первенствующихъ христіанъ было такое благочестивое обыкновеніе. Когда надобно было собираться на службу Божию и на причастіе, тогда всякій почти христіанинъ, по силѣ своей, несъ съ собою нѣсколько хлѣбовъ и сосудъ вина. О семъ обыкновеніи поминается въ правилѣ апостольскомъ 3, въ правилѣ 28 собора, иже въ Труллѣ, и въ правилѣ 7 Теофила, архіепископа Александрійскаго, гдѣ притомъ поминается, что святая простота прежнихъ христіанъ приносила и виноградъ, медъ, класы и другія овощи, но послѣ сіе обыкновеніе оставлено. Сии принесенные хлѣбъ и вино вручаемы были священнику, и назывались они греческимъ языкомъ—просфора, а по нашему—приношеніе. Священникъ, принявъ ихъ, полагалъ на особенномъ мѣстѣ со стороны святаго трапезы, которое мѣсто по гречески называется—„прооесисъ“, по нашему—предложеніе или жертвеникъ. Когда такимъ образомъ христіане снесутъ великое число хлѣбовъ, или просфоръ и вина, тогда священникъ изъ числа оныхъ хлѣбовъ или просфоръ выбиралъ одинъ хлѣбъ, который бы доволенъ былъ для причастія всѣхъ, и, по совершеніи священнодѣйствія, онымъ причащаль; а изъ оставшихся хлѣба и вина часть отдѣляема была для нищихъ, а часть шла на служителей Церкви. О семъ пишется въ вышепомянутомъ же правилѣ Александрійскаго патриарха.

Сіе горячее тогдашнихъ христіанъ къ благочестію усердіе для Церкви было столь чувствительно, что она не оставляла имени тѣхъ, которые оныя дары приносили, поминать во время службы при общемъ всѣхъ собраніи, и ихъ добротное подаваніе молитвами своими препоручала щедротамъ и милосердію Божію. Какъ то и нынѣ еще въ службѣ св. Василія Великаго читается сими словами: „помяни Господи, иже дары сія Тебѣ принесшихъ, и о нихъ же, и ими же, и за нихъ же сія принесоша“.

Сіе христіанское обыкновеніе столь наблюдалось свято, что отъ непорядочно живущихъ христіанъ такого приношенія Церковь не принимала, разсуждая справедливо, что сжали бы отъ такихъ принимать приношеніе, то чрезъ сіе казалось бы, что будто она не совѣтъ непорядочныхъ ихъ поступковъ отвращаетъ. Въ семъ разумѣ святой Никейскій соборъ опредѣлилъ объ отпадшихъ во время гоненія, чтобы ихъ 12 лѣтъ въ сообщеніе Церкви совершенное не допускать, а въ послѣдніе два года хотя и дозволено ихъ въ собраніе съ вѣрными принять, но безъ приношенія—„хорисъ просфорасъ“, то есть, приношенія отъ нихъ еще не принимать.

Узнавши сіе обыкновеніе первенствующія Церкви, всякъ ясно усмотрѣть можетъ, сколько тогда было при службѣ Божіей приносимыхъ хлѣбовъ или просфоръ. Но было опредѣленнаго числа—и не пять, или семь просфоръ было, но десять, и тридцать, и пятьдесятъ, и сто, и нѣсколько сотъ, разсуждая по числу, довольству и усердію христіанъ.

Но послѣ, по прошествіи нѣкотораго времени, то есть, когда теплота въ вѣрѣ прежнихъ христіанъ стала не столь горяча, оное святое обыкновеніе, чтобы приносить всякому съ собою хлѣбы и вино, быть перестало. Однако, къ дополненію недостатка сего Церковь опредѣлила отъ себя нѣсколько хлѣбовъ или просфоръ, чтобы оныя приносить къ жертвеннику, дабы чрезъ сей обрядъ оставить нѣкоторую память прежде бывшаго добровольнаго приношенія христіанъ. Коликое именно число такихъ просфоръ было сперва опредѣлено, въ исторіяхъ сыскать не можно. Однако, по общему преданію греческія Церкви думать надобно, что оное опредѣленное число просфоръ было пяточисленное. Но при всемъ томъ никогда никакого отъ Церкви запрещенія не было, чтобы не приносить и другія, кромѣ пяти, просфоры о своемъ или усопшихъ спасеніи.

Когда Церковь вмѣсто прежнихъ добровольныхъ приношеній нѣсколько хлѣбовъ приносить опредѣлила, тутъ же опредѣлила и сіе, чтобы уже поминать имена великихъ Божіихъ угодниковъ, во-первыхъ, Пресвятыя Богородицы, святаго Предтечи, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, прелодобныхъ и всѣхъ святыхъ; такъ же о здравіи и спа-

сени всѣхъ православныхъ христіанъ, и о упокоеніи всѣхъ въ вѣрѣ усопшихъ.

Теперь изяснено древнее Церкви обыкновеніе, и какъ оно перестало; а притомъ объявлено и то, какъ оное, прежде многочисленное, хлѣбовъ приношеніе осталось на пяти, а на произволь и больше.

Сему восточныя православныя Церкви обычаю послѣдуетъ и наша святая Церковь. Мы совершаемъ святую литургію на единомъ хлѣбѣ или просфорѣ; а кромѣ сей еще четыре просфоры приносимъ въ жертвенникъ, изъ которыхъ одна приносится въ честь и память Пресвятыя Богородицы, вторая въ честь всѣхъ святыхъ, третія просфора о спасеніи всѣхъ православныхъ живущихъ, четвертая о памяти и оставленіи грѣховъ всѣхъ въ вѣрѣ усопшихъ христіанъ. И такъ всѣхъ будетъ пять просфоръ. Однако, Церковь наша не запрещаетъ приносить и больше просфоръ, семь ли, или десять, или двадцать, или и больше,—какъ то и самымъ дѣломъ нынѣ у насъ бываетъ, что усердные христіане приносятъ просфоры о здравіи своемъ, или о спасеніи своихъ преставльшихся родителей. И такихъ просфоръ случается до десяти, до двадцати, и больше; а въ нѣкоторыхъ селахъ приносится въ церковь въ праздничные дни просфоръ по сту, по двѣсти, и больше. И сіе обыкновеніе не только нельзя хулить, но еще можно почестъ за нѣкоторые слѣды прежде бывшаго въ первенствующей Церкви добровольнаго христіанъ приношенія.

Теперь возвратимся мы къ своему намѣренію. Вы говорите, что „надобно, де служить на семи просфорахъ“. Но, вотъ, видите, что служба совершается на единомъ хлѣбѣ или просфорѣ, а прочихъ сколько употреблять, въ томъ надобно послѣдовать обычаю церковному. Хорошо употреблять пять просфоръ, понеже такъ предала святая Церковь, нѣтъ же противности употреблять и семь просфоръ, и больше, только бы сестаться въ соединеніи съ Церковію. Сила вся—въ единомъ хлѣбѣ или просфорѣ: ибо безъ единого хлѣба святая литургія совершиться не можетъ, а прочее число просфоръ остается на обыкновеніи церковномъ и на произволеніи приносящихъ. Ибо хотя въ нѣкоторыхъ, а не во всѣхъ старыхъ книгахъ, и положено приносить семь просфоръ, однако при случаѣ дозволено оное число и умножать. Ибо въ Номоканонѣ, печатанномъ при святѣйшемъ патріархѣ Іоасафѣ первомъ въ лѣто 7147 (отъ Рождества же Христова 1639 года), изображено, „что одну просфору за царя и царицу и за чады ихъ. А идѣже будетъ къ цареву величеству послати, то вынимати по имяномъ, всѣмъ по просфорѣ“. Въ такомъ случаѣ уже можетъ быть не семь просфоръ, но и десять и двадцать. И потому пять ли, или семь, или и больше просфоръ приносить къ жертвеннику, въ томъ грѣха нѣтъ, а въ томъ только

есть великій грѣхъ, чтобы, стоя за число просфоръ, отлучаться отъ Церкви и самовольно лишать себя той благодати, которой сподобляются съ вѣрою причащающіеся подъ видомъ хлѣба самого тѣла Христова.

Но при семъ разсудимъ и то: по мнѣнію вашему не достаетъ у насъ двухъ просфоръ—одной, де, за патріарха, а другой за царя. Но у насъ поминаніе ихъ не оставлено. Мы на просфорѣ заздравной поминаемъ благочестивую нашу государыню, и наслѣдника ея, Святѣйшій Правительствующій Синодъ, и святѣйшихъ греческихъ вселенскихъ патріарховъ. Такъ въ чемъ же не соглашаться, когда и вы и мы о нихъ поминаніе творимъ? „Да для чего, говорите вы, не по особенной за всякаго просфорѣ“? Но не въ томъ—нужда, чтобы была особенная или не особенная просфора, а въ томъ, чтобы поминаніе о благочестивомъ царѣ и духовномъ настырствѣ не было оставлено; и у насъ поминаніе сіе не оставлено. А если надобно, чтобы за патріарха и за царя были особенныя просфоры, такъ кольми паче надобно особенную за святаго Предтечу, особенную за святыхъ пророковъ, особенную за святыхъ апостоловъ, особенныя и за прочихъ святыхъ. Но ни по какимъ и старымъ книгамъ сихъ особенныхъ просфоръ не положено, но за всѣхъ святыхъ едина просфора, такъ довольно и за всѣхъ православныхъ христіанъ едина просфора.

Сіе изъясненіе примите вы въ разсужденіе. Подумайте, для чего Господь нашъ Іисусъ Христосъ оставилъ тайну сію? не для того ли, чтобы мы всѣ, яко единого Отца дѣти, при сей духовной трапезѣ пи- ровали? А вы противъ сего святаго намѣренія отъ насъ отдираетесь. Для чего Спаситель нашъ благоволилъ питать насъ тѣломъ Своимъ и пречистою кровію Своею? не для того ли, чтобы мы были связаны единымъ духомъ любви и согласія? А вы сей Божественный союзъ разрываете. Христосъ собираетъ, вы расточаетесь; Христосъ всѣхъ со- зываетъ во едино, вы всякъ своими толками порознь; Христосъ вра- чуетъ васъ тѣломъ Своимъ и кровію Своею, вы сіе дражайшее врачев- ство не пріемлете. Подумайте, молимъ васъ: если бы теперь вы и мы вкупи приступили къ святой трапезѣ въ мирѣ и любви, и подъ видомъ хлѣба и вина причастилися тѣла и крови Христовы, не принялъ ли бы насъ милосердый Спаситель, сколько бы въ жертвенникѣ ни было просфоръ? Или думаете, что Премилосердый Спаситель нашу вѣру от- вергнетъ и любовь презритъ за то только, что у насъ въ жертвенникѣ—четыре, а не шесть просфоръ? Поистинѣ, клянемся вамъ Богомъ неба и земли, пріятіе Ему будетъ наша любовь и согласіе, нежели сто и тысяча просфоръ безъ любви. Посмотрите вы на самихъ себя, до какого бѣднаго состоянія вы себя довели. Ревнуя по семи просфорахъ, и одной просфоры не имѣете; и потому остаетесь безъ святаго причастія,

безъ небесной пищи, безъ подкрѣпленія душевнаго, гладны, унылы, жалки. Но святая Церковь молить своего Покровителя и Спасителя, дабы Онъ удивилъ на васъ милость Свою, просвѣщая внутреннія ваши очи. Въ семъ мы на Его милосердіе и полагаемся, и уповаемъ, что сіе Церкви увѣщаніе къ вамъ не оставитъ Онъ безъ Своего дѣйствія потому наипаче, что оно просходитъ отъ истиннаго всѣхъ благъ вамъ желанія.

Кончимъ симъ разсужденіе о знатнѣйшихъ погрѣшностяхъ, которыми вы насъ порицаете. Остаются еще другія мелкости, которыя вамъ также кажутся быть соблазнительными. Мы къ успокоенію вашей сумняющейся совѣсти и о сихъ хотя кратко разсудить въ трудъ себѣ не ставимъ.

О ХОЖДЕНІИ ПОСОЛОНЬ.

Смушаетъ васъ и то, что при крещеніи и вѣчаніи ходятъ у насъ не посолонь, или не по солнцу, то есть, при крещеніи около купели, а при вѣчаніи около наоя ходятъ справа налѣво, а „надобно-де, ходить слѣва направо по теченію солнечному“. На сіе и отвѣтствовать бы нужды не было. Ибо кто бы былъ столь мало разсудителенъ, который бы сіе вокругъ хожденіе почиталъ за великую тайну? Христосъ приказалъ креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа; а о хожденіи по солнцу ль, или противъ солнца, ничего не приказалъ. Апостолы крестили всю вселенную, а о семъ хожденіи ничего не предписали. Да и нельзя было имъ предписать, ибо они наибольше крестили въ рѣкахъ и въ источникахъ, гдѣ ни по солнцу, ни противъ солнца ходить нельзя было. Да и всѣ святые древніе отцы о семъ хожденіи ничего не помянула. Пускай, что надобно ходить около купели, и около наоя, и то для того, чтобы принятое Церковію обыкновеніе не нарушать. Однако, нельзя сказать, чтобы безъ того вокругъ хожденія тайна крещенія и чинъ вѣчанія не могли совершиться. И потому вамъ мы объявляемъ, что для насъ какъ бы ни ходить,—по солнцу, или противъ солнца, въ томъ великой силы не находимъ: ибо сіе хожденіе есть обрядъ, надлежащій до тайны, а не самая тайна. Хорошо ходить и по солнцу, только бы быть въ соединеніи съ Церковію. А ежели въ чемъ есть зло, да еще зло величайшее, то въ семъ, что вы крещеныхъ отъ насъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, у себя перекрещиваете зато только, что не ходятъ у насъ слѣва направо. О, великаго заблужденія и болѣзни лютыя! Крещенія тайна есть вступленіе въ завѣтъ съ Богомъ. Сей вѣчный завѣтъ, утвержденный кровію Христовою, вы разоряете, и ставите въ ничто для того только, что у насъ при купели не ходятъ слѣва направо. Очувствуйтесь и содрогнитесь

отъ нелицемѣрнаго Судии. Не о томъ много разсуждайте, справа ли налѣво, или слѣва направо около купели ходить надобно; но о томъ подумайте, какъ бы обязательство въ святомъ крещеніи принятое исполнить и удостоиться въ страшномъ Христовомъ пришествіи стагъ на правой странѣ праведныхъ, а не на лѣвой погибающихъ.

Но посмотримъ, что еще соблазняетъ васъ. Видѣли уже мы, какъ вы ревнуете по старой вѣрѣ, но кромѣ сего ревнуете вы и по старымъ русскимъ обычаямъ. И сія бы ваша ревность достойна была похвалы, если бы она была по разуму, то есть, если бы вы защищали то, въ чемъ или вся состоитъ вѣра, или на чемъ основана величайшая отечества польза. Но ревность ваша есть, да не по разуму.

О СТАРЫХЪ РУССКИХЪ ОБЫЧАЯХЪ.

Вамъ протівно, что, оставя русское платье, ходять нынѣ въ нѣмецкомъ, носятъ парики и брѣютъ бороды. Но кто можетъ сказать, что ношеніе платья и стриженіе волосъ надлежитъ до вѣры? То надлежитъ до вѣры, безъ чего вѣрѣ нельзя быть, безъ чего нельзя имѣть усердія къ Богу, смиренія и любви къ ближнему. Но какое бы платье ни носить, какъ бы волосы ни стричь, можно имѣть усердіе къ Богу, никого не обижать и свою должность исправлять безпорочно. Благочестіе къ платью не пришито, и внутренняя души добродѣтель на волосахъ не виситъ. Можно посящему платью и не по-русскому закрою; и не по-русски остриженному имѣть добрую душу; можно же и въ русскомъ платьѣ и въ бородѣ быть человѣкомъ нечестивымъ и злодѣемъ, какъ-то и самымъ дѣломъ много пойманыхъ бывасть воровъ, разбойниковъ, душегубцевъ, которые носятъ русское платье и не бреютъ бороды. Платье и борода не есть причина худыхъ дѣлъ; да такъ же нельзя сказать, чтобы платье и борода были причиною добрыхъ дѣлъ. Какое платье носить и какъ стричь волосы,—въ томъ надобно послѣдовать обыкновению, какое въ какомъ народѣ принято; и волѣ верховнаго Правителя. А за платье и волосы стоять, и много сомнѣваться, въ томъ нужды нѣтъ. Но еще и того безразсуднѣе думать, что платье и борода надлежатъ до вѣры, и за то отвращаться и гнушаться тѣхъ, которые одну вѣру содержатъ, а только не такимъ закроемъ носятъ платье и не такъ убираютъ голову. Разсудите вы, сколько было прежде христіанъ въ разныхъ странахъ свѣта, и понеже были они разнаго рода, разнаго языка, подъ разными государями, то и платье носили разное, и бороду индѣ брили, индѣ нѣтъ, индѣ брили всю, индѣ только по щекамъ, индѣ оставляли одни только усы, и разными образомъ убирались; однако, за это никогда одинъ христіанской народъ отъ другого христіанскаго же народа не отвращался. Да и нынѣ пашей благочестіа

вой вѣры ипаче ходять греки, ипаче сербы, ипаче валахи, ипаче грузины, также и бороды ипаче бреють, ипаче нѣтъ; ипаче стригуть такъ, ипаче ипачъ; однако, никогда за сѣе одни другихъ не отвращали, да и не отвращаются, но въ согласіи единыя вѣры пребываютъ. Посему надобно и вамъ по примѣру другихъ благочестивыхъ народовъ не отвращаться своей братіи единовѣрныхъ за то только, что они носятъ не такое платье, какъ вы, и не такъ стригуть волосы, какъ вы.

Вы на сѣе представляете, что „это-де, взято съ обычая нѣмецкаго, а въ священныхъ-де правилахъ написано, аще кто сообщается съ невѣрными, то съ таковымъ не сообщается“. Сѣе правило есть истинное, но надобно знать, въ какомъ смыслѣ оно написано. Не тотъ съ невѣрными сообщается, кто съ невѣрными по случаю, или имѣя какую нужду, говорить, или съ ними въ одномъ дому нѣсколько времени будетъ жить, или при какихъ нужныхъ обстоятельствахъ съ ними что нибудь сѣбѣ или выпьетъ, или по ихъ образцу сошьетъ сѣбѣ платье; еще этотъ человекъ съ невѣрными не сообщается. Послушайте же, кто съ невѣрными сообщается. Тотъ, который ихъ вѣру похвалаетъ и ихъ еретическія мнѣнія охотно слушаетъ, съ ними вмѣстѣ ходитъ на молитву; притомъ подражаетъ ихъ правамъ, которые православную вѣру повреждаютъ. Вотъ, такой-то съ невѣрными сообщается! А мы, православные христіане, съ нѣмцами и другими иновѣрными народами такимъ образомъ не сообщаемся: ибо мы ихъ неправославной вѣры не держимся, въ ихъ церкви на молитву съ ними не ходимъ, ихъ неправыя мудрствования обѣгаемъ, и ихъ обычаямъ, противнымъ нашей святой вѣрѣ, не слѣдуемъ. А что съ нѣмецкаго обычая перевяли носить платье и убирать голову, то до вѣры не надлежитъ: ибо и въ семъ платьѣ можно старую нашу православную вѣру сохранять, и быть непорочнымъ закона Божія исполнителемъ. Надобно бы бросить ихъ платье и не должно бы брить бороду, если бы, какъ только бы кто надѣлъ ихъ платье, тотъ тотчасъ и не могъ имѣть въ Бога вѣры. Но сему быть нельзя, ибо вѣра истинная состоитъ въ непорочной совѣсти, которую никакая паружность переменить не можетъ.

И потому не для чего вамъ о платьѣ и бородѣ сомнѣваться. Вы не то смотрите, переменялъ ли кто платье, но не переменялъ ли онъ вѣру. Если вѣру переменялъ, и мы съ таковымъ сообщаться не станемъ. Вы не то примѣчайте, остригъ ли кто бороду, но примѣчайте то, что онъ съ волосами не сбросилъ ли и честные душевные нравы. Если такъ, и мы съ таковымъ сообщаться не станемъ. Не тѣмъ смущайтесь, что другой носить парикъ; но разсуждайте то, что онъ съ парикомъ не надѣлъ ли вредныхъ какихъ и странныхъ мыслей. Если кто таковъ будетъ, и мы съ нимъ сообщаться не станемъ. Такое есть

здоровое разсужденіе; и мы думаемъ, что вы, прочетшіе сіе изъясненіе, согласитесь съ нами въ томъ, что человѣкъ, какое бы платье ни носилъ, и какъ бы волосы ни стригъ, да ежели будетъ имѣть вѣру правую и дѣла добрыя, несумнительно спасется.

Но вотъ еще вы поговариваете о пастыряхъ нашихъ, что „новые; де, проповѣдники зѣло горды и немилосерды, и отнюдь не терпѣливы: аще и едино слово явится имъ о вѣрѣ не угодно, и они за то мучать, и смерти предати хотятъ“. На сіе мы объявляемъ вамъ, что Церковь Христова такого жестокаго и гонительнаго духа не имѣетъ. Священное Евангеліе учитъ, чтобы кротостію, ученіемъ и увѣщаніемъ обращать человѣка заблуждающаго, а не строгостію, не темницами, не побоями, и никого къ вѣрѣ силою не принуждать. Такимъ образомъ, святая Церковь съ вами поступала и поступаетъ. Много отъ нея издано уже книгъ, въ которыхъ васъ отъ погрѣшностей вашихъ отводятъ не свирѣпостію и силою, но здравымъ разсужденіемъ и свѣтлыми доказательствами изъ Святаго Писанія и святыхъ отецъ. То же свидѣтельствуемъ и сіе настоящее къ вамъ увѣщаніе, которое, храня Евангельскій духъ, самою Христовою кротостію и утробами Его призываетъ васъ къ соединенію.

И въ семъ Церковь Божія имѣетъ для себя великій примѣръ дражайшаго Спасителя своего, Господа нашего Иисуса Христа, Котораго Евангеліе представляетъ кроткимъ и снисходительнымъ для немощей человѣческихъ учителемъ. Да и присный Его ученикъ Павелъ тому же насъ поучаетъ: „Братіе, аще и впадеть человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы духовніи исправляйте таковаго духомъ кротости“ (Галат., 6, 1).

И потому не за что вамъ обличать святую нашу Церковь въ томъ, аки бы когда хотѣла васъ разными мучить утѣсненіями; не за что отъ нея отлучаться. Ежелибъ наша святая Церковь за догматъ вѣры сіе приняла, чтобъ васъ гнать и всею жестокостію обращать, то подлинно была бы причина вамъ отлучаться отъ нашей Церкви. Но такого мнѣнія Церковь наша утрашается, послѣдуя тихости Евангельскаго ученія. И сей смиренный духъ Евангелія имѣютъ многіе пастыри въ Церкви нашей, которые, движимы истинною за Церковь ревностію, поступаютъ съ вами кротко и снисходительно, употребляя къ обращенію вашему ученія святыхъ отецъ и силу христіанскія любви.

И для того не имѣете вы причины касаться святой нашей Церкви, аки бы она имѣла какой духъ гоненія. Нѣтъ, она о васъ соболѣзнуетъ, она о васъ печется, матерски снисходя къ изнемогающимъ душамъ вашимъ. Ежели вамъ сіе недовѣрно кажется, придите къ ней съ истиннымъ желаніемъ познать истину, и увидите, съ какою кротостію и радостію приметъ васъ. Ежели вы о нѣкоторыхъ обычаяхъ Церкви нашей

сомнѣваетесь и соблазняетесь, то безъ всякой опасности требуйте отъ духовнаго правительства Церкви, или отъ другихъ, какихъ хотите, пастырей, чтобъ ваши сомнѣнія они разрѣшили, и утишили бы безпокойство вашего соблазна: увѣряемъ васъ самую истинною, что назначатся вамъ искусные въ Писаніи мужи, или какихъ вы захотите, которые съ вами со всякою тихостію поступать имѣють. Оружіе святая Церковь не есть другое какое, какъ только слово Божіе, которое есть, дѣйствительно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра.

Но еще вы волнуетесь, еще вошите, что „попы, де, пьянствуютъ и живутъ непорядочно, и это, де, насъ соблазняетъ, и отъ Церкви отводить“. На сіе мы отвѣствуемъ, что нельзя сказать, развѣ противъ совѣсти, что бы всѣ священники наши пьянствовали и жили непорядочно: есть много священниковъ благоговѣйныхъ, трезвыхъ и учительныхъ, которые благодать своего священства хранить въ чистой совѣсти. А хотя подлинно нѣкоторые попы и пьянствуютъ и живутъ непорядочно,—и то Церковь наша не похваляетъ, но паче сожалѣетъ, обличаетъ и исправляетъ. Да и самымъ дѣломъ, когда о такихъ безчинныхъ понахъ доносится архіереямъ, они не оставляютъ ихъ безъ исправленія и духовнаго наказанія; а нѣкоторыхъ и совѣмъ священническаго чина лишаютъ. Такъ почтожь для нѣкотораго малаго числа неблагочинно живущихъ поповъ отлучаться отъ Церкви, то есть, отъ общества всѣхъ христіанъ? И въ самыя первенствующія Церкви времена были нѣкоторые въ Церкви неблагочинные священники; и между апостолами былъ Иуда предатель. Да и въ нашей Россійской Церкви не въ нынѣшнее только время, но и прежде, то есть, отъ самаго начала у насъ христіанскія вѣры не безъ того, чтобъ между добрыми священниками не было и худыхъ; однако, тогдашніе христіане за сіе отъ всей Церкви не отлучались. А для чего?—для того, что малое число нѣкоторыхъ безчинно живущихъ истину всея Церкви не опорочиваетъ. А притомъ и то вѣдать надлежитъ, что чрезъ священника и не весьма добродѣтельнаго тайны совершаются: ибо въ тайнахъ главнодѣйствующій есть Самъ Духъ Святый, Который приступающаго съ вѣрою и чистою совѣстію къ тайнѣ не лишитъ благодати Своея, чрезъ какого бы священника тайна ни отправлялася.

И такъ перестанете ли уже вы волноваться и бѣгать соединенія съ нами? Церковь святая нарочно предлагаетъ вамъ сіе увѣщаніе, дабы ваши сомнѣнія разрѣшить, показать истину и присоединить къ стаду Христову. Теперь вамъ ясно показано, что погрѣшности, которыя вы намъ причитаєте, по невѣжеству вашему или по упорству почитаются погрѣшностями; а сила вѣры въ старыхъ ли, или въ новоизправленныхъ книгахъ содержимая есть одна. Такъ чтоже пренятъ

ствуесть вамъ обрадовать желаніе святаго Церкви? чѣмъ вы еще насъ порицать будете? Знаемъ мы, что много есть и другихъ мелкостей, о которыхъ вы спорить хотите. Вы много еще мудрствуете о земныхъ поклонахъ, о преклоненіи колѣнъ, о пѣніи Кіевскомъ и партесномъ, о жезлахъ архіерейскихъ и о другихъ подобныхъ, до вѣры не надлежащихъ, вещахъ. Мы бы и объ этомъ всемъ съ вами поговорить не полѣнились; однако, оставляемъ для того,—первое, что о сихъ вещахъ и сами вы, ежели только мало просвѣщенія имѣете, можете узнать, что въ нихъ вѣра не состоитъ, и что они зависятъ отъ самопроизвольнаго церкви поведенія, и потому о нихъ спорить не для чего; второе, что главнѣйшія уже ваши сомнѣнія рѣшены. И ежели оное рѣшеніе васъ не удовольствуетъ, то о другомъ не для чего уже и говорить. Однако, притомъ если подлинно вы безъ всякаго упорства желаете познать истину, и сіе разсужденіе наше покажется вамъ еще не довольно: то позволительно вамъ желаніе свое изъяснить духовнымъ пастырямъ письменно или словесно, да не только позволительно, но и просимъ и молимъ васъ безъ всякаго опасенія притти къ пастырямъ церковнымъ и свои сомнѣнія предложить. Будьте надежны, что на всѣ ваши недоумѣнія даны будутъ ясныя разсужденія со всякою христіанскою тихостію; а ежели, со всѣмъ тѣмъ, ваши сумнѣнія не будутъ удовольствованы, оставлены вы будете на волю судьбъ Божіихъ: ибо къ признанію истины никого силою принудить нельзя, и дѣло обращенія человѣческаго сердца есть дѣло Самого Духа Святаго.

Вотъ, коликое къ вамъ отъ Церкви снисхожденіе, коликое попеченіе о спасеніи вашемъ! Ежели и сіе все презрите, и увѣщательнаго сего Церкви гласа не послушаете, тогда уже чиста святая Церковь отъ крови вашей: она уже тогда упорство ваше и ожесточеніе предастъ на судъ нелицепріятному Судіи, Богу. Возопіетъ она въ горести духа своего предъ Богомъ сими словами: „Звахъ, и не послушаете, и простирахъ словеса, и не внимаете, но отметаете моя совѣты, и моимъ обличеніямъ не внимаете. Того ради возглаголетъ къ вамъ и Самъ Господь Вседержитель: будетъ, егда призоветъ Мя, Азъ же не послушаю васъ, взыщутъ Мене зли, и не обрящутъ. Возненавидѣша бо премудрость, словесе же Господня не пріяша, ниже хотѣша внимати Моимъ совѣтомъ, ругахуса же Моимъ обличеніямъ“ (Притч. Сол., 1, 24, 25, 28 и пр.). Но мы с васъ всего лучшаго надѣемся, и чтобъ сія надежда не посрамила насъ, изъ глубины духа нашего молимъ Небеснаго Отца свѣтовъ, да умягчитъ Онъ сердца ваши: ибо можетъ Онъ и изъ каменія воздвигнути чада Аврааму.

Но кто не вѣдаетъ, сколько есть козней діавольскихъ! Сей врагъ рода человѣческаго ищетъ всегда погибели душъ христіанскихъ. Онъ

не только помутилъ миръ въ Церкви нашей, и учинилъ между нами толкій развратъ, да еще въ семъ заблужденіи и утверждаетъ такъ, что здравымъ къ обращенію совѣтамъ преграждаетъ дороги. Сіе презрѣльно смущаетъ святую Церковь нашу, и опасается она, чтобы сіе ея увѣщаніе не осталось безъ всякаго плода. Ибо въ прошедшія времена самымъ дѣломъ оказалось, что полезными совѣтами Церкви немногіе захотѣли пользоваться; да не только не захотѣли пользоваться, но еще въ злѣйшее всѣхъ впали заблужденіе. О, слезъ достойнаго состоянія! многіе изъ несогласниковъ нашихъ начали оставлять свои дома, родителей и родственниковъ, убѣгали въ лѣса и тамъ самоубійственно себя сожигали. И такихъ, самопогибельно сожженныхъ, оказалось до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, какъ то уже извѣстно изъ многихъ дѣлъ.

И сія смертоносная язва еще и до сихъ поръ не истребилася. Ибо и въ нынѣшнемъ 1765 году изъ крестьянства нѣсколько такихъ умоповрежденныхъ человѣкъ, собравшись въ Новгородской губерніи въ Зеленецкій монастырь и выгнавши изъ него жившихъ тамъ монаховъ, самовольно въ немъ засѣли, гдѣ всѣ наши святые книги и Евангеліе сожгли, и многія честныя иконы поломали. А потомъ, когда послано было ихъ увѣщавать и любовно изъ сего заблужденія вывести, — они вмѣсто того, чтобы сіи увѣщанія почестъ за дѣйствіе Самого Бога ихъ спасающаго, самовольно сожглися и тѣмъ вѣчную погибель наслѣдствовали. О, страшнаго злоключенія! съ какимъ сожалѣніемъ святая Церковь приняла сію печальную вѣсть! и кто изъ благочестивыхъ не поболѣлъ сердцемъ о сей самопроизвольной душѣ христіанскихъ погибели? Христова Церковь очищала себя предъ Богомъ въ священномъ алтарѣ, что она неповинна въ семъ ихъ самоубійствѣ и предавала ихъ нелицепріятному суду Божию.

О САМОУБІЙСТВЕННОМЪ СОЖИГАТЕЛЬСТВѢ.

Однако, дабы впредь сего не приключилось несчастія, святая Церковь предлагаетъ здѣсь особенное о самоубійственномъ сожигательствѣ увѣщаніе.

Скажите вы намъ самую истину, закликаемъ васъ Богомъ живымъ, для чего вы самовольно себя убиваете и сожигаете? Не вѣдаете ли вы, что самоубійство есть смертный грѣхъ, и ежели кто самъ себя убьетъ, того не велѣно и погребать по священнымъ правиламъ, но повергать его, яко скота?

Вы на то говорите: „было бы за что; коли за правду, какъ, де не умереть“. Но знайте, что иное есть за правду умереть, иное за правду самого себя убить. За правду можно, да въ нѣкоторыхъ случаяхъ и должно, умереть, а самому себя убивать за правду никогда не позво-

лено. Святые мученики за правду и истинную вѣру умирали, но никогда сами себя добровольно не убивали, какъ то видно изъ житій святыхъ отецъ. Сія ересь древняго еретика Монтана, который между прочимъ училъ, что можно самого себя мучить даже до смерти, чтобы чрезъ то стать мученикомъ; но сія ересь отъ Церкви проклята.

Вы на сіе ссылаете, что „многіе, де, святые мученики сами себя убили; иные, де, въ огонь бросились, чему въ примѣръ приводите мать Маккавеевъ; а иные, де, побили себя каменіемъ“. Но сія ваша отговорка къ защищенію вашему не служитъ: понеже, во-первыхъ, то не истинно, аки бы святая мать Маккавеевъ сама въ огонь бросилась. О семъ ни въ Библіи, ни въ житіи ихъ не пишется; а пишется только, что она, видя семь своихъ сыновъ предъ своими очами отъ мукъ умершихъ, напоследокъ и сама, будучи умучена острою болѣзнію, смотря на умирающихъ своихъ дѣтей, скончалась. Только пишется, а больше ничего. А хотя бы и подлинно бросилась она въ огонь, и то бы вамъ было не въ примѣръ: ибо она бы то сдѣлала тогда, когда гонитель Антохъ Епифанъ принуждалъ оставить отеческій законъ и принять заблужденіе языческое,—почему хотя бы и подлинно бросилась она въ огонь, то бросилась бы въ такой огонь, котораго ей миновать было нельзя. То же надобно сказать и о другихъ святыхъ мученикахъ: ибо подлинно нѣкоторое малое число святыхъ мучениковъ сами себя убивали, иные закалали себя, иные бросались въ воду, иные въ огонь; однако, сіе дѣлали они во время жестокаго на Церковь гоненія, когда мучители всякими муками принуждали оставить христіанскую вѣру и кланяться мерзкимъ идоламъ. Во время такихъ гоненій нѣкоторые мученики сами себя убивали и убивали себя тогда, когда видѣли предъ очами своими неизбѣжную смерть. И потому нельзя еще сказать, что они убивали себя сами, но убивали ихъ гонители и мучители: ибо святые мученики, не имѣя страха, гоненія и смерти, никогда бы на себя рукъ не наложили.

Такъ къ чему же вамъ своему самоубійству въ примѣръ приводить святыхъ мучениковъ? какое нынѣ гоненіе? кто понуждаетъ отрицаться Христа и поклоняться идоламъ? Понетигъ, никто. Мы, по Божіей благодати, всегда имѣли благочестивыхъ государей, которые не только отъ вѣры христіанской не отводили, но еще неумысли старались о славѣ Церкви и о расширеніи истины Евангельскія. Да и нынѣ (слава Богу, о Церкви Своей пекущемуся!) живемъ мы подъ державою благовѣрныя и христіолюбивыя Самодержицы, великія государыни нашея Екатерины Алексіевны. Ея Величество подъ Божіимъ предводительствомъ взошла на Всероссійскій престолъ, съ тѣмъ наипаче, чтобы святую Христову Церковь своимъ покровительствомъ защитить, и вѣру, какую мы отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ приняли, утвердить,—что и

самымъ дѣломъ Церковь Божія въ ней видитъ и радуется. Извѣстно всѣмъ, сколько ея Величество горяча къ вѣрѣ и прилежна къ Церкви. Многочисленные государственные дѣла не препятствуютъ Ея Величеству приходитъ со своими боярами и свиклитомъ на службу Божию. Всякое Воскресенье, всякій праздникъ Господскій, Богородичный и другихъ святыхъ изволить слушать всеобщую и литургію со всякимъ благоговѣніемъ и своимъ примѣромъ и другихъ приводить къ страху Божию. Также по долгу христіанскому изволить говѣть, изнуря себя постомъ, исповѣдается и святыхъ Христовыхъ Таинъ причащается съ великимъ усердіемъ и благочестіемъ; притомъ изволить посѣщать и обители прославленныхъ Россійскихъ чудотворцевъ и ихъ мощи съ любовію почитать. Кто, видя такую благочестивую самодержицу, не прославить Бога, что Онъ сохраняетъ нашу Русскую вѣру?

И какъ сама ея Величество къ Богу зѣло усердна, то въ такомъ же страхѣ Божіи воспитываетъ и любезнаго своего сына и Наслѣдника, благовѣрнаго государя Цесаревича и великаго князя Павла Петровича. Его Высочество въ младыхъ своихъ лѣтахъ уже упражняется въ законѣ Божіемъ, изволить читать Евангеліе, Апостоль и Псалтырь и другія церковныя старыя и новосиравленные книги и толкованіе ихъ съ охотою изволить слушать. Обучается православной вѣрѣ христіанской и правламъ святыхъ отецъ и столь къ святому сему ученію усерденъ, что самое лучшее у его Высочества въ томъ есть увеселеніе, и въ юномъ своемъ возрастѣ подражаетъ благочестивой своей матери и государынѣ. Кто же скажетъ, что таковое благовѣрныя Самодержицы царствованіе есть подобно онымъ временамъ, въ которыя царствовали гонители Церкви, невѣрные и Гога невѣдушіе цари? кто сіе скажетъ? Развѣ всея совѣсти и страха Божія лишенный.

Такъ почто же вамъ самихъ убивать и сожигать, да и указывать на святыхъ мучениковъ, которые жили во времена невѣрныхъ и христовенавистныхъ царей? Возможно ли, чтобы благочестивые и во Христа вѣрующіе наши государи, васъ, также во Христа вѣрующихъ, захотѣли гнать? Разсудите вы сами: гонители, невѣрные цари, христіанъ въ огонь бросали, а ваша благочестивая Самодержица васъ отъ огня избавить тщится. Вотъ, и нынѣ, какъ слышала ея Величество, что нѣкоторые ваши сообщники къ сожженію себя приготовили, содрогнулась сердцемъ и, матерски печалась, изволила послать нарочныхъ, которые бы ихъ до самовольнаго убійства не допустили. Но какъ они ослѣпились до конца и сами себя на сожженіе вѣчному огню предали,—о! коликимъ соболѣзнованіемъ мучимо было т.гда благочестивое нашея Самодержицы сердце! и, ея Величество, вѣлая, что ихъ погибели не возвратитъ, то, по крайней мѣрѣ, чтобы другихъ до сего несчастія не допустить, по-

велѣла особенное сочинить увѣщаніе, представляя предъ очи ваши сіе ваше заблужденіе и умоляя васъ Богомъ и страшнымъ вторымъ Его пришествіемъ, чтобы вы перестали самовольно души свои погублять и дѣлать радость діаволу. Вотъ, какое нашей благовѣрной Государыни о васъ попеченіе! Гонители Церкви, невѣрные цари радовались, когда хрістіане себя убивали и сжигались; а наша благочестивая Самодержица крайне о томъ соболѣзнуеть и желала бы, ежели бы можно было, ихъ воскресить.

Подлинно, ея Величество вседушно хочетъ васъ изъ вашихъ заблужденій вывести и присоединить къ единому паствы Христовой стаду, да не строгостію и мученіемъ, но кротостію, увѣщаніемъ и ученіемъ. Ибо ея Величество вѣдаетъ, что къ вѣрѣ никого силою принудить нельзя, и обратить сердце есть дѣло Божіе. И для того повелѣваетъ ея Величество вѣмъ духовнымъ пастырямъ, чтобы они васъ не суровостію, но кротостію и Евангельскимъ духомъ тщались склонить, такъ, какъ обращали святые Апостолы. И ежели дѣйствіе Святаго Духа не коснется вашего сердца, и захочете вы остаться въ своихъ затвердѣлыхъ мысляхъ, и въ томъ вы оставлены будете правосудію Божію. Такое хрістіанское великія Государыни нашей снисхожденіе не приводятъ ли васъ въ чувство и въ раскаяніе въ своемъ заблужденіи? Не должно ли вамъ признаться, что вамъ не для чего сжигаться и себя погублять?

А для чего вы сожигаетесь,—тому причину мы чистосердечно вамъ объявимъ. Одни сожигаются по невѣднію: ибо, слыша, что нѣкоторые за Христа умирали и сгорали въ огнѣ и получили вѣнецъ мученичества, думаютъ, что и они, ежели за Христа въ огонь бросятся, то такъ же на небеси прославятся, какъ и святые мученики. Но бѣдныя обманываются: ибо мученики умирали за Христа во время гоненія; а нынѣ гоненія нѣтъ, какъ выше показано. А другая причина сожженія изъ дѣлъ показала ся. Нѣкоторые плуты подговаривали простыхъ людей на самовольное сожженіе: дѣлали тотъ видъ, чтобы за Христа умереть, а самымъ дѣломъ, чтобы у сихъ бѣдняковъ имѣніе въ свои руки прибрать и, ихъ зажегши, самимъ уйти. По простотѣ своей, прельстившись подговорами сихъ безсовѣстныхъ льстецовъ, бѣдные люди на сожженіе себя отдаютъ и тѣмъ лишаются своихъ имѣній, сея жизни, а притомъ жизни и будущаго вѣка. Такой злодѣйскій поступокъ оныхъ прелестниковъ по многимъ дѣламъ оказался. Ибо и въ нынѣшнемъ 1765 году въ Зеленецкомъ монастырѣ сожглось нѣсколько душъ, а главный ихъ заводчикъ не сгорѣлъ, хотя онъ въ числѣ прочихъ сожегъ свою родную сестру и свою собственную мать, то какъ бы онъ удержался и самъ съ сестрою и матерью не броситься въ огонь, ежели бы не было какого плутовскаго духа? Да и въ вопросѣ, когда допра-

пшванъ былъ: „для чего онъ съ прочими не сгорѣлъ? на то говорилъ только одно: „согрѣшилъ окаянный!“ Вотъ, какимъ вы послѣдуете престлстникамъ и бѣднѣй свой животъ въ мученіи оканчиваете, ни за Христа, ни за вѣру. „Аще бо и постраждетъ кто, не вѣичается, аще незаконно мучень будетъ“, — пишетъ святой апостоль Павелъ (2 Тим., 2, 5). И потому не для чего вамъ указывать на святыхъ мучениковъ. Осудятъ васъ святые мученики, что вы не во время гоненія, въ какое они жили, но во время благовѣрныхъ и христіолюбивыхъ государей за Христа въ огонь бросаетесь.

Вы на сіе представляете, „что и нынѣ, де, намъ есть гоненіе. Не дають намъ нигдѣ на службу Божію собираться, посылають-де, команды и насъ на всѣ стороны разсѣвають“. Но сіе ваше разсужденіе не истинное: ибо посылають по васъ команды не за старую вѣру и не для того, чтобы васъ хотѣли за вѣру мучить. Никакъ за вѣру васъ не гонять, а посылають по васъ команды для того, что вы, убѣгая въ лѣса, государю служебъ не служите, даней не платите, земель не пахете, дома свои, сродниковъ и помѣщиковъ оставляете. И для того государи наши, печась о вашемъ и всего государства своего благополучіи, посылають по васъ команды, не съ тѣмъ, чтобы за вѣру мучить, но чтобы васъ возвратить на прежнія жилища, чтобы вы жили на своихъ отъ Бога и Государя пожалованныхъ земляхъ, такъ, какъ живутъ и другіе вѣрные подданные государскаго Величества. А притомъ многіе бывають по дорогамъ разбой и злодѣи скрываются въ лѣсахъ, для того не позволяютъ вамъ въ лѣсахъ жить, чтобы то же напрасно не подумать и объ васъ. Какъ то и самымъ дѣломъ въ нынѣшнемъ году оказалось, что нѣкоторые вашей вѣры сообщники ворвались нагло въ Новгородской епархіи въ Зеленецкій монастырь, тамошнихъ жителей монашествующихъ выгнали, святая книги съ Божьяго престола пожгли, честныя иконы Спасителя, Богородицы и другихъ святыхъ поломали и надѣлали много другихъ разбойническихъ нахальствъ. Вотъ, для этого по васъ посылають команды, а не за вѣру. И ежели бы вы жили на своихъ земляхъ и въ лѣса не уходили то бы вы были оставлены такъ, какъ живутъ и другіе ваши сообщники на своихъ земляхъ по своей вѣрѣ, и по нихъ командъ не посылають: ибо святая Церковь, хотя всеусердно вашего обращенія желаетъ, но силою васъ къ тому не принуждаетъ.

При семъ спросимъ мы васъ: ежели вы думаете, что и нынѣ вамъ есть за вѣру гоненіе, и посылають по васъ команды, будто съ тѣмъ, чтобы за вѣру мучить, такъ для чего же вы не отдаетесь въ руки, да сами сожигаетесь? Ежели бы вы себя отдали, и стали бы васъ за вѣру мучить, и замучили бы, тогда подлинно бы вы почтены были

отъ всѣхъ за святыхъ мучениковъ для того, что тогда умерли бы вы не отъ своихъ, но (какъ вы называете) отъ мучитльскихъ рукъ. А вы сами себя убиваете, и потому вы—не мученики, а самсубійцы. Но не допусти, Боже, чтобы васъ стали за Христа мучить во время благочестивыхъ и христіолюбивыхъ государей. Благовѣрная самодержица наша Екатерина Алексіевна и тѣхъ, которые по государственнымъ дѣламъ заслужили смерть, по матернему своему милосердію изволить жаловать животомъ. Такъ какъ же бы такая благоутробная мать могла принудить себя, чтобы васъ мучить, жечь и казнъ ть за то, въ чемъ вы по слабости своей и невѣжеству согрѣшаете? Сймъ матернимъ къ вамъ снисхожденіемъ да умягчится жестокость вашего сердца, и, отложши всякій страхъ, въ мирѣ и тишинѣ поживите.

Вы паки на сіе вызываетесь, что „можетъ-де насъ и не стануть мучить, да разсѣють на разныя стороны, такъ-де мы и вѣру потеряемъ“. Но сія ваша опасность есть безразсудная: ибо благочестивыя Государыня наша не погибли, по спасенія вамъ желаетъ. И ежели бы такое благовѣрные государи наши имѣли намѣреніе, чтобы васъ разсѣять, такъ бы они давно разсѣяли вашихъ сообщниковъ, которые живутъ по городамъ и по селамъ, но живутъ они спокойно, и никакого имъ ни мученія, ни разсѣянія нѣтъ. Тихостію Церковь призываетъ ихъ къ соединенію, а мученій не употребляетъ: только бы вы другихъ не смущали, нѣтъ не повосили, и не дѣлали бы въ государствѣ безпокойствъ. А то многіе изъ васъ святую нашу Церковь поносятъ, властей ругаютъ, всѣхъ насъ еретиками зовутъ, и между простымъ народомъ дѣлають смуты. А иные, о чемъ уже выше сказано, въ наши монастыри разбойнически врываются, святыя книги жгутъ, честныя иконы ломають и другія дѣлають безчинства. Такія ли — дѣла истинныхъ христіанъ? такіе ли—плоды православныя вѣры?

И когда такихъ ея государское Величество наказывать, въ томъ поступаетъ по данной ей отъ Бога власти и по правосудію, нечая о покоѣ своего государства. И ежели такіе будутъ наказаны, то будутъ наказаны они не за старую вѣру, но за смущеніе, не яко старовѣры, но яко возмутители государственные. А ежели которые отъ васъ живутъ себѣ мирно, ни кого не смущаютъ, свою должность отправляютъ, тѣхъ государи наши оставляють въ покоѣ, а Церковь о спасеніи ихъ денно и нощно молится, и кроткимъ духомъ ихъ призываетъ, и склоняеть къ обращенію.

Вы оиать представляете, что „велятъ-де намъ двойной окладъ платить, а притомъ-де зовутъ раскольниками“, и вы то почитаете „гоненіемъ за вѣру“. Но послушайте нашего отвѣта, и умудритесь. Велятъ вамъ великіе наши государи двойной окладъ платить не за вѣру, по

для того, что многіе изъ васъ, какъ выше показано, бѣгутъ въ лѣса, оставляютъ свои земли и помѣщиковъ, Государю даней не платятъ и службы не служатъ, а иные между нашимъ православнымъ народомъ дѣлаютъ многія смуты. Великіе государи наши разсуждали, какъ бы до сего зла государство свое не допустить; и хотя должно бы съ такими поступить строгостію, однако, великіе государи наши, будучи всегда милосерды, и исправляющіе больше кротостію, нежели жестокостію вмѣсто всѣхъ наказаній только наложили на васъ двойной окладъ не за вѣру, но чтобы симъ легкимъ наказаніемъ васъ отъ побѣговъ и отъ смутъ удержать, и государство свое въ покоѣ сохранить. Вотъ, для чего велѣтъ вамъ платить двойной окладъ! А ежели бы вы жили на своихъ земляхъ, Государю бы дань платили и службы служили, и ежели бы насъ не ругали, простымъ народомъ не смущали, и жили бы смиренно, то наши великіе и благочестивые государи сдѣлали бы вамъ милостивое снисхожденіе. А къ вѣрѣ силою никто не принуждаетъ, только мать наша, святая Церковь, видя ваше невѣдѣніе и заблужденіе, и усердными своими къ Богу молитвами и кротостію духа изъ сего несчастливаго состоянія извлечъ васъ всемирно тщится. А что васъ зовутъ раскольниками, и то потому, что вы самовольно отъ святой Церкви отлучаетесь, насъ отвращаетесь, и, оставя свои дома и сродниковъ, бѣгаете по лѣсамъ, а которые и не въ лѣсахъ живутъ, и тѣ насъ, православныхъ, какъ татаръ, гнушаются, никакого съ нами сообщенія не имѣютъ, ни сходятся, ни говорятъ, ни ядятъ, ни пьютъ съ нами, да еще и мѣста тѣ выскребываютъ и вымываютъ, гдѣ бы мы сидѣли, или стояли. Такое ваше къ намъ отвращеніе само собою есть причина, что вы называетесь раскольниками, то-есть, отъ общества отлучающимися. Бросьте сей ненавистный духъ, и васъ больше звать раскольниками не будутъ.

Что еще сказать вы можете? дерзнете ли какъ возстать противъ истины? Всѣ ваши сомнѣнія рѣшены, всѣ ваши смущенія успокоены, всѣ ваши защищенія показаны, сколь они малосильны. Пр-толковано вамъ, что вы соблазняетесь тѣмъ, въ чемъ никакой силы нѣтъ, и что вамъ отъ Церкви отлучаться не для чего. Человѣческое есть погрѣшить, но не человѣческое есть ожесточать себя.

Объявлено вамъ, что въ старыхъ и новыхъ книгахъ хотя индѣ сдѣлано лучшее поправленіе, но сила вѣры Христовой всегда есть та же; объявлено вамъ, что при служеніи перстовъ сила—не въ пальцахъ, но въ Святой Троицѣ, въ Которую мы равно вѣруемъ. Объявлено вамъ, что въ почитаніи честнаго креста не нужда—разбирать концы, но Иисуса Христа, распятаго за насъ, Которому мы согласно покланяемся. Объявлено вамъ, что тайна святыхъ литургій состоитъ не въ пяти

или седми просфорахъ, но въ приношеніи невидимомъ закланнаго за ны Агнца Исуса Христа, подъ видомъ единого хлѣба и вина; а мы согласно сею спасительною смертію хвалимся. Объявлено вамъ, что при крещеніи какъ бы ни ходить, по солнцу ли, или противъ солнца, въ томъ дальней силы нѣтъ; но сила—въ томъ, чтобы завѣтъ, въ которой мы при крещеніи вступаемъ съ Богомъ, непорочно сохранить. Объявлено вамъ, что, какое платье ни носить и какъ волосы ни стричи, до вѣры то не надлежитъ; а надлежитъ до вѣры, какъ ризу, надѣтую въ крещеніи, грѣхами не осквернить и не привязываться сердцемъ къ прелестямъ міра. Притомъ объявлено и то, что Церковь всегда съ вами поступаетъ кротостію и снисходительно, и что ежели какія кому изъ васъ бываютъ наказанія, и то не за вѣру, но по государственнымъ законамъ и дѣламъ.

Что же вы еще къ извиненію своему принести можете? что васъ еще удерживаетъ отъ соединенія съ православною нашею Церковію? невѣдѣніе ли? но, вотъ,—вамъ изъясненіе на то, что вы сами по слабости своей не достигаете, и сомнѣніямъ вашимъ рѣшеніе. Стыдъ ли? но нѣтъ стыда приступить къ истинѣ, и сей, ежели вы какой отъ сообщниковъ своихъ имѣете стыдъ, сдѣлаетъ васъ непостыдными предъ судомъ Божиимъ. Страхъ ли? но какой страхъ—согласиться на то, къ чему васъ призываетъ Церковь, благочестивые государи и всѣ православные христіане? Отъ всѣхъ вы будете почтены, похвалены, да и сами ангелы на небесѣхъ возрадуются объ обращеніи вашемъ. Можетъ, вамъ препятствуетъ привычка; подлинно, кто къ чему привыкъ, трудно отъ того отстать. Да, трудно; а нельзя сказать, что не возможно. Привыкли вы къ худому, привыкните же и къ доброму. Только помолитесь съ усердіемъ Всеблагому Богу, и Онъ отъиметъ отъ васъ сердце каменное, дастъ вамъ сердце плотное, дастъ вамъ сердце мягкое, и духомъ Своимъ наполнитъ его. Ежели же все сіе вамъ не препятствуетъ,—осталось, что одно упорство мѣшаетъ вамъ въ семъ святомъ дѣлѣ, и самовольство затыкаетъ ваши уши, чтобы не внимать истинѣ.

Но какой же отвѣтъ дадите вы праведному Судіи Богу, Который ожесточеннаго фараона наказалъ цѣлою Своею строгостію, и всѣмъ будущимъ родамъ оставилъ его въ примѣръ Своего правосудія?

Но святая Церковь уповаеъ на Бога, мертвья воскрешающаго, что Онъ сіе ея увѣщаніе углубитъ въ сердце ваше, и дѣйствіемъ Своимъ Божественнымъ прославитъ его, и о сей своей надеждѣ святая наша Церковь сумнѣться не находитъ причины. Ибо для чего ей не надѣяться соединенія вашего съ нею? Вы имѣете смыслъ, имѣете разсужденіе, а притомъ, какъ христіане, и чаеъ будущаго суда: такъ не

убоитесь ли, не принять истину и тогда, когда она вамъ столь ясно представляется? Вѣдаемъ мы, что васъ соблазняютъ и до соединенія не допускають преждепомянутыя погрѣшности. Но уже показано, что тѣ погрѣшности называются отъ васъ погрѣшности по одному вашему невѣдѣнію, или по упрямству.

А хотя бы и подлинно оныя погрѣшности, которыми вы Церковь святую неповинно порицаете, были погрѣшности, и тогда вамъ лучше было бы снести сіи погрѣшности, нежели оставлять Церковь Божию и дѣлать такой раздоръ между христіанами. Ибо оныя, почитаемыя вами, погрѣшности—не самая вѣра, не тайны, но только обряды и церковныя обыкновенія. Напримѣръ, читать по старой или новой книгѣ, это не—вѣра; креститься, слагая персты, это не—вѣра, но обыкновеніе церковное; ходить по солнцу, или противъ солнца, не—тайна, но только одинъ обрядъ. То же надобно сказать и о прочемъ. Такъ лучше было вамъ снести сіи мнимыя вами погрѣшности (хотя они и не суть погрѣшности), нежели совѣмъ отъ тѣла Церкви Христовой отдраться. Для чего?—для того, что хотя бы сіи, несправедливо почитаемыя вами, погрѣшности и приняли, то еще бы вѣру не потеряли, ходили бы въ церковь, Богу молилися, святыхъ Таинъ причащалися бы, могли бы со всѣми жить любовно и свою должность исправлять безпорочно; а въ этомъ-то и состоитъ вѣра.

Вы на сіе скажете: „да надобно-де и древнія церковныя обыкновенія хранить, и преданія не отвергать“. Подлинно, надобно хранить церковныя обыкновенія и преданія, но наипаче всякъ христіанинъ обязуется хранить любовь и согласіе съ Церковію. Надобно стоять за церковныя обычаи, но такъ, чтобы любовь христіанскую не потерять. Обычай церковные по временамъ перемѣняются, но любовь никогда перемѣнить нельзя, и потому безъ любви спастися не возможно. Пишется въ Кормчей въ правилахъ Лаодикійскаго собора, подъ правиломъ 11: „бяху (рече) въ древнихъ нѣщии обычаи въ церквахъ бываемыи, отъ нихъ же убо временемъ ови забвени быша, ниши же отнюдъ престаша, другія же правила отѣвоша“. Въ первенствующей Церкви, напримѣръ, обычай былъ обѣдно служить къ вечеру и причащаться пообѣдавши, а нынѣ сей обычай отмѣненъ; прежде въ Церкви были діакониссы, а нынѣ ихъ нѣтъ. Прежде и на всякомъ мѣстѣ обычай былъ отправлять службу Божию, а нынѣ—только на извѣстныхъ мѣстахъ на священныхъ антиминсахъ. Прежде нѣкоторые епископы имѣли женъ, какъ видно въ правилахъ шестаго вселенскаго собора; но послѣ тотъ обычай сей же соборъ отмѣнилъ. Прежде всякому христіанину тѣло Христово преподавалось въ руку, но послѣ сіе древнее обыкновеніе святой Златоустъ отмѣнилъ. И много такихъ обыкновеній въ древ-

ности хранилося, которыхъ нинѣ нѣтъ. Такъ спросимъ мы васъ, хорошо ли бы прежніе христіане сдѣлали, ежели бы они за отставленные древніе обычаи такъ стали, чтобы и отъ Церкви за то отлучились? По истинѣ, не хорошо. Основательно разсуждали древніе разумные христіане, что лучше снести перемѣну церковныхъ обычаевъ, нежели потерять любовь и соединеніе съ Церковію. И вы благоразсудительнымъ онымъ христіанамъ послѣдовать должны. Иное — церковныйъ обычай, иное — вѣра, опячь иное — любовь. Вѣра и любовь совокупны, нельзя ихъ раздѣлить, а церковные обычаи служатъ вѣрѣ и любви. А когда кто любовь нарушилъ, тотъ не можетъ предъ Богомъ извиниться тѣмъ, что онъ для того любовь нарушилъ, чтобы сохранить обычай церковный. Обычай церковный есть самый первый, чтобы сохранять любовь и согласіе съ Церковію. Кто любовь и согласіе съ Церковію не сохраняетъ, тотъ ниже обычаи церковные защищаетъ.

И сіе говоримъ мы не къ тому, аки бы святая наша Церковь имѣла какія погрѣшности, но къ тому, что хотя бы и подлинно оныя, почитаемыя вашимъ невѣдѣніемъ, погрѣшности были погрѣшности, и тогда бы вамъ отъ Церкви отлучаться не подлежало.

Но что бы наше сіе разсужденіе было еще меньше сомнительно, приведемъ примѣры изъ Святыхъ Писаній, что за несходство обыкновеній отъ Церкви отлучаться не подлежитъ.

При самомъ началѣ христіанства сдѣлался было между христіанами раздоръ, какъ видно изъ посланія Павлова къ Римл., изъ гл. 14. Христіанскую вѣру приняли нѣкоторые изъ іудеевъ, приняли также нѣкоторые и изъ язычниковъ. Обратившіеся изъ іудеевъ еще наблюдали нѣкоторые обряды ветхозаконные, а, именно, наблюдали разборъ между яствами запрещенными и между яствами незапрещенными, по жидовскому закону. А которые обратились изъ язычниковъ, тѣ какъ жидовскаго закона не знали, то онаго между яствами жидовскаго разбора не наблюдали. Сіе несходство въ обыкновеніи яденія сдѣлало, было, немалый въ Церкви раздоръ. Обратившіеся изъ іудеевъ христіане отвращались и гнушались обратившихся изъ язычниковъ христіанъ за то, что онаго между яствами разбора не наблюдали; а обратившіеся изъ язычниковъ обратившимся изъ іудей смѣялися, что они и въ Евангельской вѣрѣ не покидаютъ обычай жидовскіе. И отъ того одни другихъ отвращались; и кончилось дѣло къ церковному раздору. Дошло сіе до устъ великаго и премудраго апостола Павла. Посмотримъ же, какъ онъ сіи двѣ несогласныя стороны примирилъ, и Церковь до раздора не допустилъ. Его разсужденіе было слѣдующее: „Ядый не ядушаго да не укоряеть: и не ядый ядушаго да не осуждаетъ“ (Римл., 14, 3); то-есть что оное обычаевъ несходство не надобно почитать за причину взаим-

наго раздора. Для чего? „Иѣсть бо“,—говорить Апостоль,—„царство Божіе брашно и питіе, но правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ. Иже бо сими служитъ Христови, благоугоденъ есть Богови и искусенъ человекомъ“ (Римл., 14, 17, 18). Словъ сихъ сила есть такая: до вѣры и спасенія не надлежитъ, чтобы разбирать яства или иѣтъ, а до вѣры и спасенія надлежитъ дѣлать правду и чувствовать въ себѣ духовную радость отъ незазорной совѣсти. Ежели, де, кто въ семь только составляетъ свою вѣру, да по сему и поступаетъ, тотъ и Богу угоденъ, и между людьми—истинный философъ. Сямъ мудрымъ разсужденіемъ святыи Павелъ обѣ противныи стороны примирилъ и научилъ, что за несходство обычаевъ отъ Церкви отдираться не надобно. Ежели бы какіе обычаи были и не очень основательны, то лучше, по разсужденію его, и такіе обычаи снести, нежели покидать соединеніе церковное и нарушать любовь. „Тѣмже убо“,—увѣщаетъ Апостоль,—„миръ возлюбимъ и яже къ созиданію другъ ко другу. Не бранна ради разорятъ дѣло Божіе“ (Римл., 14, 19, 20).

Сего спасательнаго увѣщанія послушайте и вы! миръ возлюбите и яже къ созиданію другъ ко другу. Ради несходства обычаевъ, ради несходства сложенія перстовъ, ради несходства просфоръ, ради несходства концовъ креста, и прочаго не разоряйте дѣло Божіе. А дѣло Божіе есть духовное соединеніе любви, въ которомъ мы едиными устами прославляемъ Бога въ собраніи кровію Христовою искупленныи Церкви. Видите вы, что первые христіане за случившееся несходство обычаевъ тотчасъ на гласъ Павловъ примірились. Къ тому же и васъ увѣщаетъ святая наша Церковь и оторванныхъ васъ отъ ризы Христовы наки благодатию Духа Святаго присоединить старается.

Но приведемъ еще также и другой примѣръ древній, что за несходство обыкновеней церковныхъ раздора дѣлать не подлежитъ. По описанію славнаго историка Евсевія Памфилійскаго, епископа Кесаріи Палестинскія, въ книгѣ 5-й Церковной Исторіи, въ главѣ 23-й и 24-й случилось въ древности не малое между христіанскими церквами несогласіе о томъ, когда надобно праздновать праздникъ Пасхи. Сущіе въ Азій церкви всѣ Пасху праздновали въ одно время съ іудеями, въ какой бы день Пасха іудейская ни случилась; но прочія всѣ по вселенной Церкви Пасху праздновали всегда въ воскресный день, не сообщаясь съ іудеями. Сіе въ обычаяхъ церковныхъ несходство сдѣлало было великій раздоръ между Азійскими и прочими церквами. И тѣ и другія церкви не хотѣли оставить обычая своего, и обѣ стороны утверждали, что онѣ приняли то обыкновеніе отъ преданія апостольскаго. Нанослѣдокъ дошло было дѣло до явнаго разрыва. Пала римскій Викторъ отлучилъ отъ сообщенія церковнаго всѣ церкви Азійскія. Сіа неразум-

ность папскаго поступка всё въ по вселенной церкви не понравилась. Ибо всё единогласно разсуждали, что хотя Азіійскія церкви празднуютъ Пасху и не въ то время, въ которое надлежало; однако для того разрыву не надобно дѣлать въ Церкви, понеже де, празднованіе Пасхи, въ какой бы день ни было, есть только церковное обыкновеніе, а не догматъ и не вѣра. А за несходство обыкновеній церковныхъ раздора въ Церкви чинить не подлежитъ. За сіе дѣло особенно взялся славный священномученикъ Иринеи, епископъ Лугдунскій, который и писалъ къ римскому папѣ именемъ всея Галльскія Церкви, твердо доказывая, что за несходство церковныхъ обыкновеній взаимное Церкви соединеніе нарушать не надобно, и сіе самое подтверждаетъ святой Иринеи многими примѣрами древнихъ святыхъ епископовъ, которые въ подобныхъ случаяхъ такое же мудрое имѣли разсужденіе. Все сіе можно читать у Евсевія Памфілійскаго, въ книгѣ 5-й его Исторіи, въ главѣ 24-й. Сии приведенные древніе примѣры да научатъ васъ, сколь за велико должно почитать любовь и соединеніе съ Церковью. „Аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любве же не имамъ, быхъ яко мѣдь звенящи или кимваль звяцаѣи. И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое во еже сжещите, любви же не имамъ, никакая польза ми есть“ (1 Коринѣ. 13, ст. 1, 2). Такое есть ученіе апостольское, которое ежели бы вы сохраняли, не стали бы отлучаться отъ Церкви и ненавидѣть христіанъ зато только, что нѣкоторое находите между собою и нами въ обычаяхъ, въ обрядахъ, и въ словахъ несходство.

Вы на сіе вопіете, „что несходство-де—не въ обычаяхъ церковныхъ и обрядахъ, но въ вѣрѣ“. Но ежели вы не до конца упорны, то легко изъ вышепоказаннаго усмотрѣть можете, что въ старыхъ и новоисправленныхъ книгахъ—вѣра одна, а только въ однихъ несходныхъ словахъ по невѣдѣнію или упорству своему спорите.

О, несмысленні ревнители старой вѣры! кто вы прельстивъ есть не покарятися истинѣ, имъ же Іисусъ Христосъ преднаписанъ бысть въ васъ распать? Вы призваны были къ святой православной вѣрѣ, вы просвѣщены познаніемъ единаго Бога, и единаго Ходатая нашего Господа Іисуса Христа со Святымъ Духомъ. Вы родились отъ православныхъ и благочестивыхъ прародителей, вы увѣрены Евангеліемъ о будущихъ несказанныхъ благихъ, яже уготовалъ Богъ любящимъ Его. Вы—наши одноплеменники, вы—наши сограждане, вы—единаго съ нами, преславнаго Московскаго государства люди. Столь великая благая получивши отъ щедрой десницы Господней, какъ всего того самовольно вы лишаетесь и предъ Богомъ остаетесь неблагодарными? Вы удалаетесь отъ спасительнаго убѣжища святія нашей Церкви, вы право-

славную вѣру поставляете не въ любви и чистой совѣсти, но въ нѣкоторыхъ мелкостяхъ, вы по благочестивымъ слѣдамъ прародителей своихъ не ходите. Вы своихъ одноплеменныхъ, согражданъ и сродниковъ чуждаетесь и ругаете. Вы, оставя свои дома, бѣгаете по лѣсамъ, не имѣете ни храма Божія, ни жертвенника, ни пастыря, умираете безъ покаянія и святаго причастія въ отчаяніи. О, крайняго злоключенія вашего! какую несносною скорбію смущаете вы сердце православныя Церкви. Послушайте, какой умиленный гласъ съ Павломъ произносить она къ вамъ: „Чадца моя, имижь паки болѣзную, дондеже вообразится Христось въ васъ“ (Галат., 4, 19). Дѣти мои заблуждающія! Вы болѣзни моего рожденія, коимъ духовно родилися, презираете, но и самую утробу, которая васъ родила, терзаете. Доколѣ будете тяжки сердцемъ? я васъ не презираю и о васъ попеченіе свое оставить не могу. Не люблю ли васъ? Богъ—свидѣтель, яко люблю, желая спасенія вамъ. Я тщусь, я призываю . Святаго Духа, дабы Онъ Своимъ всемогущимъ дѣйствіемъ паки образъ Іисуса Христа въ сердцахъ вашемъ написалъ, которой вы своимъ непослушаніемъ загладили. Течасте добрѣ, кто вамъ возбранн не покаются истиннѣ? препрѣніе не отъ призвавшаго вы. О, дабы отсѣчены были развращающія васъ! Азъ надѣюсь о васъ въ Господѣ, яко ничтоже ино разумѣти будете, смущаяй же васъ понесетъ грѣхъ, кто бы онъ ни былъ.

Сей сладчайшій, призывающій васъ, гласъ Церкви презрите ли вы? будете ли столь ожесточены, чтобъ усердныя желанія общія нашей матери вы не обрадовали, доколѣ будете къ прелестямъ толковъ своихъ привязаны? Мы васъ призываемъ къ единой святой соборной и апостольской Церкви; а вы прельщаете простыхъ людей итти къ своимъ толкамъ. Но скажите намъ, къ которому захочете пристать намъ толку? Всякій толкъ говоритъ, что въ немъ содержится Церковь, и одинъ голкъ проклинаетъ другой. Такъ къ которому же толку намъ пристать? Ежели пристать къ поповщинѣ, будетъ проклинать насъ безпоповщина; ежели пристать къ безпоповщинѣ, будетъ проклинать поповщина; ежели пристать къ перекрещиванцамъ, будутъ проклинать перекрещиванцы. И къ какому бы толку ни пристать, проклятія отъ другихъ толковъ убѣжать будетъ нельзя. А всякій толкъ защищаетъ, что въ немъ содержится Церковь. Видите заблужденія ваши, и постыдитесь. Вы призываєте къ разнымъ толкамъ, а мы васъ призываемъ, или паче Духъ Святой приываетъ не къ многимъ толкамъ, но къ единой православной Церкви, яже есть столпъ и утверженіе истины. И что прещтствуетъ вамъ согласиться на сіе небесное призываніе? Пусть только всякъ изъ васъ самъ въ себѣ скажетъ: „Милосерде Владыко! доколѣ буду дѣйствію благодати Твоея сопротивляться? Готово сердце мое, готово. Азъ рабъ Твой,

и сынь рабыни Твоея, причти мя избранному Твоему стаду, и отъ козней діавольскихъ покрый мя подъ крылами святыя Твоея православныя Церкви“. Сими словами совершилось бы все дѣло спасительнаго обращенія вашего.

О kolikoю бы радостію и веселіемъ наполнили вы небо и землю! На землѣ святая Церковь пролила бы радостныя токи слезъ, увидя своихъ чадъ къ себѣ возвращаемыхъ. Благочестивая наша Самодержица Екатерина Алексѣевна, въ веселіи вознесши свои къ небу руки, принесла бы усердное благодареніе Всевышнему, что Онъ благословляетъ державу ея любовію и единомысліемъ подданныхъ, духовныя пастыри въ теплотѣ своея вѣры прославили бы прехвальное имя Пастыреначальника Иисуса Христа, что овецъ, и не бывшихъ отъ двора Его Онъ, собираетъ во едино стадо. Всѣ православныя христіане русскаго государства духовно восторжествовали бы, поя предъ Господемъ сію пѣснь: „Возвеличилъ есть Господь сотворити съ нами, возвеличилъ есть Господь сотворити съ нами: быхомъ веселящеся“ (Псал., 125, 2—3). Да будетъ благословенъ Богъ, яко разсѣянная собралъ, разстоящая соединилъ, падшія возставилъ. Такая радость отъ обращенія вашего воспослѣдовала бы на земли. На что говорить о торжествѣ небесномъ ангеловъ, иже радуются о единомъ грѣшникѣ кающемся? Самъ Отецъ небесный невидимо принялъ бы васъ въ Свои объятія и увѣрилъ бы сердце ваше, что вы, соединися съ Церковію, входите въ преддверіе блаженства вѣчнаго.

Но ежели (чего не дай Богъ!) противъ сего Церкви призыванія и противъ дѣйствія Святаго Духа ожесточите вы свое душу, то Церкви Божія предасть васъ страшному суду Его и всѣмъ тѣмъ казнямъ, на какія ярость Его опредѣлила непокорныя и ожесточенныя сердца.

Но, о Всеблагій и Благоутробный Господи! молишь Тебѣ возлюбленная невѣста Твоя Церковь о сихъ, невѣдѣніемъ согрѣшающихъ, людяхъ. Просвѣти ихъ мысль и коснися ихъ сердца. Мысль ихъ просвѣти Евангельскою Твоею истиною, а сердце ихъ наполни вседѣйствующимъ Духомъ Твоимъ. Тебе одинаго дѣло есть обращати сердца, воли бо Твоей кто противится можетъ? Приклони ихъ къ соединенію и любви, Небесный Отче, ходатайствомъ возлюбленнаго и однороднаго Сына Твоего Господа нашего Иисуса Христа, да вси мы едиными усты и единымъ сердцемъ прославляемъ Тебе со однороднымъ Твоимъ Сыномъ, и все-святымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Амишь ¹⁾.

¹⁾ Известно всѣмъ объ ономъ въ вѣрѣ развратѣ, вѣдомомъ подъ именемъ раскола. Что было разврата сего причиною, какіе родились изъ него разные толки и другія непріятныя слѣдствія,—о томъ довольно изъяснено

Чинъ, како прѣимати отъ раскольниковъ, въ соединеніе съ православною Церковію приходящихъ.

Поставлену бывшу у дверейъ церковныхъ обращенному отъ раскола, исходитъ архіерей или іерей, облеченъ во священную одежду по своему чину, и вопрошаетъ его:

Отъ всего ли сердца твоего жалѣши, и подлинно ли каешься, яко отъ святыхъ православно католическихъ апостольскихъ Церкви восточныхъ, и отъ соединенія правыхъ вѣры отступилъ еси?

Отвѣщаетъ. Отъ всего сердца моего жалѣю о семъ, и истинно каюся.

Вопрощаетъ. Хочеш ли во всемъ послушнымъ быти Церкви святѣй православно католической, восточной, и въ соединеніи вѣры православныя до кончины живота твоего неотступно пребыти?

Отвѣщаетъ. Хощу.

Абѣ же святителъ, или іерей, знаменаетъ чело его трижды, глаголя: „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь“. Также возложъ

какъ въ другихъ книгахъ, такъ и въ семъ сочиненіи. Сколько сіе опечалило Церковь Божию,—трудно изобразить словами. Но не оставилъ Богъ возлюбленную невѣсту Свою безъ Вожественнаго Своего утѣшенія.

Кромѣ того, что всеблагій Господь разными способами благодати то заблуждающихъ чадъ паки къ ней обращалъ, то слабыя ихъ мудрованія словомъ Своимъ обличалъ; кромѣ сего, говорю, возбуждалъ Онъ всегда ревностный духъ благочестивѣйшихъ Монарховъ нашихъ къ защищенію церковныхъ славы и къ покровительству оскорбляема истины. Много надобно было бы времени, чтобъ подробно описывать, сколько благовѣрныя и великія Государи наши прилагали тщанія къ уничтоженію помянутого разврата, и къ приведенію несогласниковъ нашихъ въ чувство. Онѣй Всероссийскихъ Монарховъ по благочестіи ревнующій духъ наслѣдственно вліялъ Богъ въ благочестивѣйшую Великую Государыню нашу Екатерину Алексѣевну, Самодержицу Всероссийскую. Ея Императорское Величество за навязшее великаго служенія Своего дѣло почитаетъ, чтобъ вкрадывающіяся въ церковь злоупотребленія истребить и (что наипаче) умягчить разврата раскольническаго упорство. Сему самое дѣло есть свидѣтельство неоспоримое. Ибо опубликованными, во-первыхъ, указомъ Ея Императорскаго Величества, а паче Правительствующаго Сената 1762 году, декабря 14 дня, а потомъ манифестомъ за подписаніемъ собственнымъ Ея Императорскаго Величества руки 1764 года, марта 5 дня, довольно всякъ увѣренъ быть можетъ, колико Ея Императорское Величество изволило употребить снисхожденіе въ разсужденіи слабостей раскольническихъ. Да притомъ и о семъ ничто сумничься не можетъ, что Ея Императорское Величество въ сходство съ словомъ Божиимъ, и подражая Евангельской кротости, столь снисходительнъ къ нимъ изволило, не съ другимъ какимъ намѣреніемъ, какъ токмо, чтобъ симъ

десницу на главу его, глаголетъ молитву сію, рекшу діакону— „Господу помолимся“, и клиру— „Господи помилуй“:

„Господи Боже Вседержителю, едине Святе, и на святыхъ почивай, великія ради и неисчетныя Твоя къ человѣкомъ любви, согрѣшающимъ различные образы покаянія всегда предлагай, и заблуждшимъ отъ истины, путь правы и къ познанію Тебе единого и истиннаго, въ Троицѣ славимаго и покланяемаго, Бога показуй, во еже ни одному отъ нихъ погибнути, но всѣмъ спастися и въ разумъ истины прийти. Благодаримъ Тя, славимъ и величаемъ, яко и нынѣ сему словесному созданію Твоему, „имя рекъ“, возсіялъ еси въ сердцѣ его свѣтъ познанія Твоея истины, и аки отъ сна отъ прелести востати, и къ святѣй Твоей апостольстѣй православно-каѳолической Церкви прибѣгнути сподобивый. Возсіяй убо, о Владыко! смиренно молимъ Тя, совершенно въ сердцѣ его свѣтъ благодати Святаго Твоего Духа, къ просвѣщенію разума и истины святаго Евангелія Твоего. Дажь ему неліцемѣрно, невозвратно и нелестно содвинутся святѣй Твоей соборнѣй Церкви, и гнушатися и попірати вся душегубительныя ереси и отступства, истинно же пріяти, исповѣдати, и твердо содержати православно-каѳолическую вѣру. Со-

не строгости справедливыя, но особеннаго милосердія образомъ привести ихъ въ чувство, и дабы они самъ подвижены признали свои заблужденія, и тѣмъ обрадовали святое Ея Императорскаго Величества намѣреніе.

Но, къ великому оскорбленію своему, Ея Императорское Величество послышать изволила, что нѣкоторые нечувствительнаго сердца люди оное Ея Императорскаго Величества милосердіе употребляютъ во зло: вмѣсто того, чтобъ почестъ сіе за спасительный случай къ своему исправленію, слѣпо послѣдуютъ своему своевольству. Многие въ расколѣ, аки бы въ растворенныя двери, побѣжали, и, не исправляя своихъ заблужденій, во оныхъ утверждаться начали. Ибо въ янвѣршемъ 1765 году, въ іюнь мѣсяцѣ самымъ дѣломъ оказалось, что нѣкоторые развращеннымъ духомъ упоенные, порвавшись въ новгородской губерніи въ Зеленецкій монастырь, тамошнихъ жителей монашествующихъ выгнали, святыя книги съ Божіаго престола пожгли, честныя иконы поломали, надѣлали много и другихъ своевольническихъ безчинствъ; а сверхъ того, хотя во увѣщанію ихъ особенныя посланы были, самовольно сожглись. Нельзя довольно изобразить, коликимъ соболѣзнованіемъ подвижено было благочестивое Ея Императорскаго Величества сердце.

Того ради Ея Императорское Величество, еще удерживая праведный Свой гнѣвъ, повелѣла особенное къ симъ заблуждающимъ сочинять увѣщаніе, матерски напоминая имъ долгъ совѣсти, и притомъ, чтобъ, пренебрегши оный, не подпали справедливой Ея Императорскаго Величества строгости законовъ.

Сіе Ея Императорскаго Величества благоволеніе съ радостію принявъ, Христова Церковь предлагаетъ имъ увѣщаніе въ семь сочиненіи, моля премилосердаго Господа, чтобъ Онъ усердное Ея желаніе обрадовалъ спасительнымъ ихъ обращеніемъ, да будетъ едино стадо и единъ пастырь

причти его избранному Твоему стаду и соедини его тѣлу Церкви Твоея святыя. Сотвори его сосудъ честенъ и жилище Святаго Духа, да тѣмъ всегда окормляемъ и наставляемъ, спасительныя заповѣди Твоя соблюдасть и, творя волю Твою благую, благоугодную же и совершенную, сподобится и воспріятія небесныхъ Твоихъ благъ, со всѣми благоудившими Тебѣ. Ты бо еси Богъ милости и щедротъ, и всѣмъ человѣкомъ хощещи спастися, и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу, и Сыну, и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ“. Клиръ—„Аминь“.

Скончавъ же молитвы, глаголетъ къ нему: „Проклинаши-ли вся ереси и отступства, яко Божіей истинѣ, и Церкви Его святѣй противящихся“?

Отвѣщаетъ. Проклинаю вся ереси и отступства, яко Божіей истинѣ и Церкви Его Святѣй противныхъ сущихъ.

По семъ глаголетъ къ нему: „Прииди и поклонися Господеву, къ Нему же прибѣгль еси“. Онъ же поклоняется единоци до земли, глаголя: Поклоняюся Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Богу единому въ Троицѣ Святѣй нераздѣльно славимому и поклоняемому“.

Святитель глаголетъ: „Благословенъ Богъ, хотяи всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины пріити, сый благословенъ во вѣки“. Клиръ—„Аминь“. И абіе святитель подаетъ ему конецъ омофора (аще же священникъ—епитрахиля) въ десницу, глаголя: „Вниди въ церковь Божию отъ ея же матернихъ ибдръ отлучилъ еси; и вѣждь, яко изъ бури заблужденія прибѣгаеши къ тихому спасенію пристанищу. Чти православно Бога Отца Вседержителя, Исуса Христа Сына Его, и Духа Святаго единого живаго и истиннаго Бога, Святую Троицу нераздѣлимую“.

Изрекъ сія, вводитъ его въ церковь держащася конца омофора (или епитрахиля), и поставитъ его предъ амвономъ, идѣже на столѣ святое Евангеліе положено есть; онъ же, ставъ абіе, испущаетъ конецъ омофора съ руки. Идущимъ же имъ въ церковь, клиръ чтеть—Псаломъ 26:

„Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, отъ кого утрашуся? Внегда приблизатися на мя злобующимъ, еже снѣсти плоти моя, оскорбляющіи мя и врази мои, тѣи изнемогоша и падоша. Аще ополчится на мя полкъ, не убоятся сердце мое: аще встанетъ на мя брань, на Него азъ уповаю. Едино просихъ отъ Господа, то възщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ святый Его. Яко скры мя въ селеніи Своемъ въ день золь моихъ, покры мя въ тайнѣ селенія своего, на камень вознесе мя. И выпѣ се, вознесе главу мою на враги моя: обыдохъ и пожрохъ въ селеніи Его жертву хваленія и воскликновенія: пою и восписю Господеву. Услыши Господи, гласъ мой, имъ же воззвахъ, помилуй мя и услыши мя. Тебѣ рече сердце мое: Господа възщу, взыска Тебѣ лице мое, лица Твоего,

Господи, взыщу. Не отврати лица Твоего отъ мене и не уклонися гнѣвомъ отъ раба Твоего: помощникъ мой буди, не отрини мене и не остави мене, Боже, Спасителю мой. Яко отецъ мой и мати моя оставиша мя, Господь же воспріять мя. Законоположи ми, Господи, въ пути Твоемъ, и настави мя на стезю правую врагъ моихъ ради. Не предаждь мене въ души стужающихъ ми: яко восташа на мя свидѣтеле неправедни, и солга неправда себѣ. Вѣрую видѣти благая Господни на земли живыхъ. Потерпи Господа, мужайся, и да крѣпится сердце твое, и потерпи Господа“.

По окончаніи же исалма повелить ему святитель или іерей пасти на землю. Семъ уже бывшу, діаконъ глаголетъ: „Господу помолимся“. Клиръ—„Господи помилуй“.

Святитель же чететь молитву сію: „Господи, Господи, всяческихъ Творче и Владыко, Источниче благихъ и Спасителю всѣмъ человѣкомъ, паче же вѣрнимъ, не презрѣвый человѣка діавольскою кознію во глубину погибели и прелести низведеннаго, но спасительнымъ вочеловѣченіемъ Единороднаго Твоего Сына, Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, сего взыскавый и спасый, и къ Себѣ возведый. Самъ, Владыко Человѣколюбче, и нынѣ призри на раба Твоего, „имя рекъ“, овча словеснаго Твоего стада сущаго, его же сподобилъ еси отъ прелести востати, и ко святѣй Своей и апостольской православно-каѳолической Церкви прибѣгнути. Возсіай, о Владыко, смиренно молимъ Тя, совершенно въ сердцѣ его свѣтъ благодати Святаго Твоего Духа, къ просвѣщенію разума и истины святаго Евангелія Твоего. Возжги въ немъ искру спасительнаго крещенія, лежащую въ душѣ его, во еже разжизатися въ немъ пламени духовному Твоея благодати, ко исполненію Твоихъ заповѣдей и ко отраженію всякія діавольскія лести. Дажь ему неліцемѣрно, невозвратно и нелестно соединитися свѣтѣй Твоей соборнѣй Церкви, и гнушатися и попірати вся душегубительныя прелести, ереси же и отступства, истинно же всегда исповѣдати и твердо содержати православно-каѳолическую вѣру. Сопричти его избранному Твоему стаду и соедини его тѣлу Церкви Твоея святыхъ. Отстави отъ него вся мысли, дѣянія же и злыя обычаи. Остави ему вся согрѣшенія вольная и невольная, и очисти его отъ всякія скверны плоти и духа. Сотвори его сосудъ честенъ и жилище Святаго Твоего Духа, яко да тѣмъ всегда окормляемъ и наставляемъ, спасительныя заповѣди Твоя соблюдетъ: и творя волю Твою благодную, благоугодную же и совершенную, сподобится и воспріятія небесныхъ Твоихъ благихъ, со всѣми благоугодившими Тебѣ. Ты бо еси Богъ милосли и щедротъ и человѣколюбія, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ“. Клиръ—„Аминь“.

По молитвѣ же святитель повелѣваетъ ему востати глаголя: „Востани и стани добръ, стани со страхомъ, и истинно исповѣждь православно-католическую вѣру“. Онъ же абіе воставъ, четъ во услышаніе веѣмъ исповѣданіе православныя вѣры:

„Вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же веѣмъ и невидимымъ. И во Единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божія, едиnorodнаго, иже отъ Отца рожденнаго прежде веѣхъ вѣкъ. Свѣта отъ свѣта, Бога истинна, отъ Бога истинна, рожденна не сотворенна, единосущна Отцу, имже вся быша. Насъ ради чловѣкъ, и нашего ради спасенія шедшаго съ небесъ, и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и вочловѣчшагося. Распятаго же за ны при Понтиетѣмъ Пилатѣ, и страдавша, и погребена, и воскресшаго въ третій день по Писаніемъ. И восшедшаго на небеса, и сѣдѣща одесную Отца. И пакы грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, его же царствію не будетъ конца. И въ Духа Святаго, Господа, животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, иже со отцемъ и сыномъ споклоняема, и славима, глаголавшаго пророки. Во едину свягую соборную и апостольскую Церковь. Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ. Чаю воскресенія мертвыхъ. И жизни будущаго вѣка. Аминь“.

Скончавъ же исповѣданіе, подаетъ ему святитель святое Евангеліе къ лобзанію. И сему бывшу, глаголетъ: „Благословенъ Богъ изволивый сие“. И по семъ глаголетъ къ нему: „Припади предъ Господемъ Богомъ, Его же исповѣдалъ еси, и приими оставленіе грѣховъ твоихъ, и разрѣшеніе отъ всякія клятвы“. Онъ же припадаетъ. Святитель, или на сіе отъ него гласъ имый іерей, глаголетъ надъ нимъ со всякимъ умиленіемъ, аще-ли возможно, и со слезами молитву сію, рекшу діакону— „Господу помолимся“, и клиру— „Господи помилуй“:

„Владыко многомилостиве, Господи Иисусе Христе Боже нашъ, верховному Твоему апостолу Петру и прочимъ апостоломъ Твоимъ ключи царствія небеснаго вручивый, и Твоею благодатію всей имъ дати ся восхотѣвый власти, еже связаннымъ быти и на небеси, елика отъ нихъ связана суть, и разрѣшеннымъ быти такожде на небеси, елика отъ нихъ на земли разрѣшена суть. Паслѣдники же насъ худыхъ и нестойкихъ неизреченнымъ Твоимъ чловѣколюбіемъ данныя имъ власти сподобивый быти, дабы и намъ такожде вязати и рѣшати въ людехъ Твоихъ прилучающаяся. Самъ, преблагій Царю, и нынѣ отъ прелести воставшаго, и въ разумъ истины прити изволившаго раба Твоего сего, „имя рекъ“, Церкви Твоей совокупитися желающаго, яко чловѣколюбивый и добрый пастырь, милостивно приими. Ты бо реклъ еси: 'иныя овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего, и тыя Ми подobaетъ привести, и гласъ Мой услышать, и будетъ едино стадо и единъ

Пастырь. И мною недостойнымъ рабомъ Твоимъ разрѣши его отъ всякаго союза клятвеннаго и отъ всякаго отлученія. И аще что въ настоящемъ житіи яко человекъ согрѣшилъ есть словъ мѣ, или дѣломъ, или помышленіемъ, прости и отпусти ему, и отъ всякаго порока душевнаго благодатию Твоею того омывъ, чиста во дворъ Твой введи и сопричти его овцамъ избраннаго Твоего стада, и соедини его тѣлу Церкви Твоея свята. Сотвори его сосудъ честенъ и жилище Твоего Святаго Духа, яко да тѣмъ всегда окормляемъ и наставляемъ, спасительныя заповѣди Твоя соблюдаетъ, и творя волю Твою благу, благоудную же и совершенную, сподобится и воспріятія небесныхъ Твоихъ благихъ, со всеми благоудившими Тебѣ. Твое бо есть, еже миловати и спасати насъ, Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ, со безначальнымъ Твоимъ Отцемъ, и пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Клиръ—„Аминь“. Абіе же по сей молитвѣ разрѣшаетъ его сице.

Образъ разрѣшити и сопричести его Церкви святой каеволической. „Господь и Богъ нашъ Иисусъ Христе, ключи царствія небеснаго апостоломъ Своимъ вручивый, и давши имъ всю власть Своею благодатию, еже вязати и рѣшити человекъ отъ грѣховъ на земли. Той Самъ, неизреченныя ради милости Своея, да прости и разрѣшитъ тя. И азъ всесилою Его властію чрезъ, свята апостолы и ихъ преемники мѣ, аще и недостойному архіерею, (или іерею), данною, прощаю и разрѣшаю тя чадо, „имя рекъ“, отъ союза клятвеннаго, и отъ всякаго отлученія малаго же и великаго, и отъ всякаго запрещенія, въ няже отступствомъ отъ правыя вѣры впалъ былъ еси, и отъ всехъ грѣховъ твоихъ, и соединенію вѣрныхъ и тѣлу Церкви Христовы совокупаю, и Божественнымъ тайнамъ церковнымъ приобщаю тя, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа“.

Сему же бывшу, святитель глаголетъ къ нему: „Востани, брате, и стане добръ, стани со страхомъ, и яко вѣрный Иисусъ Христовъ рабъ пребуди въ вѣрѣ и истинѣ, соблюдая вся заповѣди Его, и примещи благодать отъ Него, и царствію небесному сподобишися“.

Сіе же глаголетъ, аще есть отъ мвропомазанныхъ: аще же убо отъ немвропомазанныхъ есть, глаголетъ сіе: „Востани, брате, и яко вѣрный Иисусъ Христовъ рабъ, помолися Ему съ нами, яко да сподобитъ тя въ помазаніи святаго мвра пріяти благодать Святаго Духа“.

Онъ же абіе воставъ со в-якимъ умиленіемъ стоитъ. Святитель же начинаеть чинъ святаго мвропомазанія, и совершаетъ по чинположенію. По семъ подобаетъ ему исповѣдаться, и святыхъ таинъ причаститься, и тако отходитъ въ домъ свой, радуясь и благодаря Бога, яко благоволи его призвати къ избранному Своему стаду.